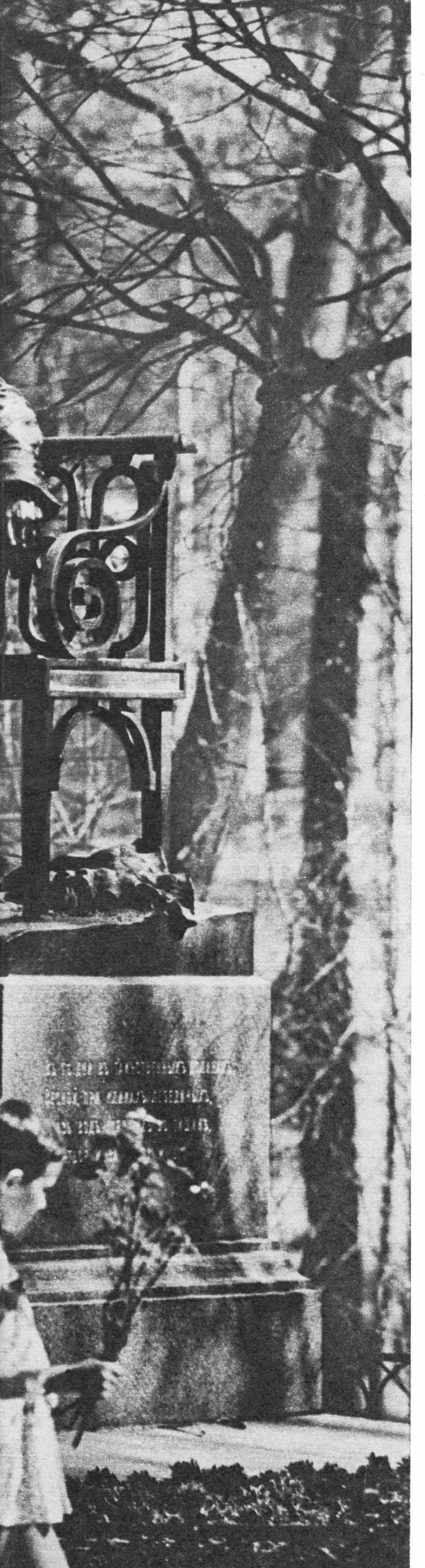

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 23 ИЮНЬ 1974

АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ
ПУШКИНУ.

Город Пушкин. У памятника поэту в лицейском саду. Фото Н. Ананьева.

1799—1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (2448)

1 ИЮНЯ 1974

ПРАЗДНИК ПУШКИНА

Николай СКАТОВ,
доктор филологических наук, профессор

Пушкин! Слово, которое давно уже перестало быть для нас только фамилией писателя, пусть великого, а стало обозначением чего-то такого, без чего саму жизнь нашу помыслить нельзя. Почему?

Есть писатели и поэты, которые к нам приходят и уходят и иногда снова, сменяя друг друга, приходят. В первых дошкольно еще услышанных, еще не заученных, но уже запомненных стихах: «У лукоморья дуб зеленый...», «Ветер, ветер! Ты могуч...» — Пушкин единственный, кто с нами навсегда, до позднего уже благословения внуков: «И обо мне вспомянет...» На всю жизнь. Почему?

Чудо Пушкина. Уже современники Пушкина, люди, лично его знавшие, общавшиеся с Пушкиным-человеком, с ним говорившие, первыми после гибели поэта произнесут слова о Пушкине как о безусловном, грандиозном, стихийном явлении. Алексей Кольцов написал о Пушкине стихи и назвал их «Лес». «Солнце нашей поэзии»... Солнце! — навсегда все запомнили и эти слова Одоевского. А Белинский позднее сравнит Пушкина с Волгою, поящею на Руси миллионы людей. Почему?

Гоголь сказал: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». В Пушкине русский человек явился как модель, как программа и как прообраз будущего.

Явление Пушкина. Его не понять вне нашей национальной истории, вне становления национальной культуры, ибо в конце концов культура — это человек, ее создавший и в ней реализованный.

Истоки такого явления, как Пушкин, коренятся глубоко и особенно явственно обозначаются с Петровского времени. Сам Пушкин недаром неизменно возвращался к эпохе Петра, видя в ней узел всей истории новой России, так ярко заявившей себя в 1812 году. 1812 год стоит за пушкинскими стихами года 1831-го — отповедью европейским нападкам на Россию:

...В бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир...

После 1812 года и возникла подлинно национальная наша литература, явился первый наш национальный поэт. Мы так привыкли к тому, что Пушкин был первым во всем, что подчас забываем: так случилось

Продолжение см. на стр. 8—9.

СЪЕЗД КОММУНИСТОВ ЮГО

ВИЗИТ В США

СЛАВИИ

В Белграде, в большом зале Дворца спорта «Пионер», 27 мая открылся X съезд Союза коммунистов Югославии.

На съезде присутствуют делегации коммунистических и рабочих партий, социалистических партий, прогрессивных и освободительных движений. В его работе участвует делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС тов. А. П. Кириленко.

Съезд открыл Председатель СКЮ тов. Иосип Броз Тито. Он поздравил делегатов и гостей с большим и важным событием в жизни Союза коммунистов и всей страны.

В повестке дня съезда обсуждение деятельности Союза коммунистов Югославии и Президиума СКЮ в период между IX и X съездами.

С докладом «Борьба за дальнейшее развитие социалистического самоуправления и роль Союза коммунистов» выступил Председатель СКЮ, Президент СФРЮ И. Броз Тито. Он, в частности, отметил, что в период между двумя съездами социалистическая Югославия последовательно продолжала борьбу за равноправное международное сотрудничество и мир во всем мире. И. Броз Тито подчеркнул, что в дальнейшем развитии прогрессивных перемен в международных отношениях исключительно важная роль принадлежит социалистическим странам. В настоящее время, сказал он, возрастает возможность повышения роли и влияния международного рабочего движения.

На снимке: открытие X съезда Союза коммунистов Югославии.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Егорова.

19 мая из Москвы в Вашингтон отбыла делегация Верховного Совета СССР во главе с председателем Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым.

Это первый в истории советско-американских отношений официальный визит в США представителей высшего органа государственной власти СССР.

В день приезда в Вашингтон делегацию приветствовали спикер палаты представителей К. Альберт и сенатор Дж. Спаркмэн, представляющий конгресс США в Межпарламентском союзе. 21 мая советская делегация встречалась с членами сенатской комиссии по иностранным делам, с членами сенатской финансовой комиссии, которая занимается обсуждением законопроекта о торговой реформе, предусматривающего, в частности, распространение на СССР режима наибольшего благоприятствования. 22 мая вице-президент США, председатель сената Дж. Форд принял советскую делегацию в здании конгресса.

23 мая президент США Р. Никсон принял в Белом доме делегацию Верховного Совета СССР. По окончании встречи Р. Никсон имел беседу с главой делегации Б. Н. Пономаревым по вопросам советско-американских отношений, которая прошла в конструктивном духе.

На следующий день делегация Верховного Совета СССР вылетела в поездку по США и после завершения ее возвратится на Родину.

На снимке: делегация Верховного Совета СССР, возглавляемая товарищем Б. Н. Пономаревым, во время встречи с членами сенатской комиссии по иностранным делам.

Телефото АП — ТАСС.

АКТИВНАЯ СИЛА СОВРЕМЕННОСТИ

Николай ПАСТУХОВ

Пять лет прошло с того памятного дня, когда в Москве открылось международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Под сводами Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца 5 июня 1969 года собрались 300 делегатов от 75 партий.

Нам, журналистам, освещавшим работу этого исторического форума, выпала честь видеть и слушать яркие, полные оптимизма выступления лучших сынов и дочерей человечества — КОММУНИСТОВ. На Совещании Леонид Ильич Брежнев сказал: «У нас, товарищи, есть все основания уверенно смотреть в будущее».

Время, которое прошло после московской встречи единомышленников, характеризовалось новым подъемом коммунистического движения, неуклонным ростом рядов коммунистов и дальнейшим их сплочением. Коммунистические и рабочие партии существуют ныне в 89 странах мира и объединяют в своих рядах свыше 50 миллионов человек.

Поистине всеобщий авторитет и уважение снискала Коммунистическая партия Советского Союза. Наши братья по классу во всем мире изучают опыт КПСС при решении сложнейших социально-политических проблем. После Совещания 1969 года Советский Союз посетило около 400 делегаций коммунистических и рабочих партий из различных стран.

Марксистско-ленинские партии горячо одобряют и поддерживают Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, приветствуют огромные успехи в деле разрядки международной напряженности и претворения в жизнь принципов мирного сосуществования.

Коммунистические партии стран социалистического содружества, руководствуясь ленинским положением о том, что политика является концентрированным выражением экономики, твердо держат в своих руках главные рычаги управления национальными хозяйствами и мировой системой социалистического хозяйства. С 1949 года промышленное производство стран — членов СЭВ возросло более чем в 12 раз, тогда как в развитых капиталистических странах за это же время оно увеличилось меньше чем в 4 раза.

Повсеместно во всем мире растут влияние и авторитет коммунистов. 24 коммунистические и рабочие партии несоциалистических стран имеют депутатские мандаты в парламентах. Около 30 компартий мира представлены в местных органах власти. Многие коммунисты избраны мэрами, генеральными и муниципальными советниками. Совсем недавно коммунисты вошли в состав правительства Португалии после того, как в этой стране был свергнут фашистский режим.

Все более усиливается борьба коммунистических и рабочих партий против разного рода оппортунизма, антикоммунизма и антисоветизма. Прошедшие годы ярко подтвердили мудрость и жизненность принятых на Совещании документов о единых антиимпериалистических действиях. В этом коммунисты планеты видят интернациональную роль Совещания 1969 года.

А разве падение фашизма в Португалии не предвидение коммунистов московского Совещания? Пять лет назад Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии товарищ А. Куньял говорил в Георгиевском зале Кремля, что Португальская компартия борется за то, чтобы вымести фашизм из Португалии и установить демократический строй. И эта цель сегодня достигнута!

Но империализм, его многочисленные службы и агентура не складывают оружия. Фашиствующая хунта узурпировала власть в Чили и проводит массовый кровавый террор против демократов, начался поход уругвайских горилл против коммунистов. «...Империалисты,— говорил на Совещании 1969 года Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили товарищ Луис Корвалан,— борются прежде всего против нас. Там, где нельзя применить оружие и тюрьмы, они прибегают к более изощренным методам». И как убедительно звучат сегодня слова, сказанные на Совещании 1969 года Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Уругвая товарищем Родней Арисменди: «Ни репрессии, ни временные отступления того или иного отряда, ведущего освободительную вооруженную или невооруженную борьбу, ни даже гибель таких любимых героев, как Эрнесто Гевара, не парализовали героических свершений наших народов».

В эти дни наши единомышленники Луис Корвалан и Родней Арисменди томятся в фашистских застенках, над ними висит угроза подлой расправы наемных убийц империализма. Народы мира требуют свободы Луису Корвалану и Роднею Арисменди!

Во всех крупнейших политических сражениях нашего времени участвуют коммунисты, успешно претворяя в жизнь решения Совещания 1969 года. Они ведут мужественную борьбу за светлые идеалы марксизма-ленинизма, несущего народам мир, национальное и социальное освобождение. Они ведут борьбу за социализм и коммунизм — светлое будущее всего человечества.

ТОВА

ОТ ВЫБОРОВ ДО ВЫБОРОВ

«Истекшие годы ознаменовались новыми значительными успехами в подъеме НАРОДНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ...

Предметом постоянного внимания партии является жилищное строительство. По количеству строящихся квартир наша страна не знает себе равных в мире. За время, минувшее после прошлых выборов, более 45 миллионов человек получили квартиры или улучшили свои жилищные условия...

ТОВАРИЩИ ИЗБИРАТЕЛИ! ГРАЖДАНЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! ПОВЫШЕНИЕ НАРОДНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ — ЭТО ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ, ПРОВОЗГЛАСИВШЕЙ И НА ПРАКТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЙ ЛОЗУНГ: «ВСЕ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА, ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА!» ГОЛОСУЯ ЗА КАНДИДАТОВ БЛОКА КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ, ВЫ ТЕМ САМЫМ БУДЕТЕ ГОЛОСОВАТЬ ЗА ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАРОДА, УЛУЧШЕНИЕ ЖИЗНИ КАЖДОЙ СЕМЬИ, ВСЕХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ».

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям, гражданам Союза Советских Социалистических Республик.

Виталий КОРИОНОВ

...Это было почти ровно пять лет назад — 17 июня 1969 года. Величественный Георгиевский зал Кремля. Последнее, заключительное заседание международного Совещания коммунистических и рабочих партий. В торжественной тишине громко звучат слова председательствующего: «Никакие трудности и кризисы, никакие потери не могут оттеснить наше движение с первостепенного места, занятого им в современной истории».

Слова как клятва. И произнес их товарищ Родней Арисменди — выдающийся деятель международного коммунистического движения, Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Уругвая.

Сегодня этот человек под стражей злобствующей военщины в казармах Монтевидео. Он арестован за то, что является неукротимым борцом за жизненные интересы рабочего класса и всего уругвайского народа, за мир, демократию и социальный прогресс. Арестован за то, что, находясь с начала 30-х годов в рядах Коммунистической партии Уругвая, последовательно выступает в защиту национальных интересов народа Уругвая, за социально-экономические преобразования на своей родине.

Я много лет лично знаю Арисменди и могу с полным основанием сказать: это человек огромной революционной отваги и большого сердца, полного любви к людям. Родней Арисменди счастливо сочетает в себе выдающийся теоретический ум и гигантские организаторские способности. Арисменди — это крупный ученый, почетный доктор исторических наук Московского государственного университета и неутомимый вожак масс. Готовность в любую минуту ринуться в борьбу за интересы трудового народа органически сочетается в нем с величайшей скромностью.

Помнится, однажды мы оказались с ним в поселке Чапита, что находится на окраине уругвайского города Пайсанду, и зашли в жалкое жилье безработного — халупу из тростника. Арисменди знал имя этого безработного и его жены. Его немедленно окружили 11 босых, голодных мальчиков и одна девочка, головки которых он ласково гладил, находя для каждого добрые слова. А вскоре его можно было встретить вместе с другими товарищами из руководства партии, распространявшими у ворот мясохладобоен газету «Популар» — орган ЦК КПУ. А еще через несколько дней я видел его на трибуне дворца Пеньяроль в столице на массовом митинге трудящихся. Он говорил так страстно, что все 15 тысяч участников ми-

РИЩ АРИСМЕНДИ

Родней Арисменди среди друзей.

тинга мгновенно подхватывали почти каждое его слово, и пламенеющий красными знаменами зал гудел словно гигантский улей, ежеминутно демонстрируя неразрывную связь оратора и аудитории.

Несколько фактов, говорящих о многом. В 24 года Р. Арисменди избирается секретарем Федерации коммунистической молодежи Уругвая. Когда ему было 42 года, он возглавил борьбу марксистско-ленинского ядра в руководстве партии против возникшей в КПУ антипартийной группы и стал Первым секретарем ЦК Компартии Уругвая. До самого роспуска парламента, учиненного военщиной в июне 1973 года, Р. Арисменди был членом парламента — бессменно в течение более 25 лет! По-видимому, не так уж много в парламентах буржуазных стран имеется депутатов с таким стажем. А ведь он лидер коммунистической партии! Надо было видеть и слышать, какой порядок и тишина устанавливались в парламенте, когда Арисменди брал в руки микрофон для выступления, чтобы почувствовать, каким авторитетом пользовался здесь этот старейший депутат уругвайского парламента...

Коммунисты — подлинные патриоты потому, что они любят свою землю, ее свободолюбивые демократические традиции, уважают и берегут материальное и культурное наследие своего народа.

Вся деятельность товарища Арисменди и его соратников представляет собой сплав подлинного патриотизма и глубокого интернационализма, ибо они хорошо понимают, что трудовой народ отстоит жизненные интересы своей родины наиболее полно и успешно тогда, когда будет идти в неразрывном интернациональном строю с другими народами, борющимися за правое дело мира, свободы и социального прогресса.

Именно поэтому товарищ Арисменди высоко несет знамя дружбы уругвайского народа с народами СССР и других социалистических стран. Он участвовал во всех съездах КПСС, начиная с XIX. Советские люди помнят его страстные, волнующие выступления в нашей стране. Подобно другим выдающимся интернационалистам современности, Р. Арисменди неутомимо борется за чистоту марксизма-ленинизма, бескомпромиссно разоблачая всех, кто, кутаясь в псевдомарксистские одежды, извращает наше революционное мировоззрение.

Р. Арисменди не раз повторял: сегодняшний мир — это мир жестокой и решительной борьбы. Насильственное подавление демократии на его родине в наши дни представляет собой еще одно наглядное подтверждение справедливости этих слов. Реакционные силы беснуются в Чили, Уругвае и ряде других латиноамериканских стран потому, что они чувствуют: почва горит под их ногами.

Арест Роднея Арисменди — это удар, направленный на то, чтобы остановить растущую волну народной борьбы, обезглавить движение сопротивления реакционным силам. В страхе перед неумолимой поступью истории реакционные круги Чили, Уругвая и некоторых других стран Латинской Америки развертывают репрессии против демократических и патриотических сил, объявляют вне закона коммунистические и социалистические партии, осуществляют широкую программу запугивания и преследований всех подлинных патриотов и демократов. Пулями обреченная реакция пробует отстреляться от непреложного хода истории. Не выйдет!

Мировой коммунизм — самое могучее движение современности. И никому и никогда не удастся остановить неодолимую поступь движения, в рядах которого такие выдающиеся борцы, как товарищи Родней Арисменди и Луис Корвалан!

Центральный Комитет КПСС опубликовал в связи с арестом товарища Р. Арисменди заявление, в котором требует освободить Роднея Арисменди, прекратить преследования коммунистов и всех других патриотов и демократов Уругвая. Этот призыв нашел единодушную поддержку у всех советских людей, глубоко преданных святому делу интернационализма.

Расправа уругвайских реакционеров над патриотами.

Президент Португалии Антониу ди Спинола.

Ночью с 24 на 25 апреля в 00 часов 30 минут радиостанция «Радио Ренессанс» передала песню «Грандола, вила морена» («Грандола, город черный»). Композитор, поэт и певец Зеку Афонсу написал ее семь лет назад в память о потопленном в крови восстании. Услышав ее мотив, руководители восстания отдали приказ немедленно выступать.

В полдень «Движение вооруженных сил» заявило о своем намерении осуществить программу спасения страны и возвращения португальскому народу гражданских свобод, которых его лишил свергнутый фашистский режим.

На фабриках и заводах состоялись массовые митинги и собрания. Рабочие снимали с занимаемых должностей фашистских профсоюзных бонз и избирали вместо них своих представителей. В высших, средних и технических учебных заведениях вместо фашистских молодежных организаций студенты создавали демократические союзы. Работники театров и кино организовали свой профсоюз. Вновь созданное руководство португальского радио и телевидения полностью отказалось от прежних программ.

Накануне Первомая в Лиссабоне произошло еще одно важное событие. Во вторник 30 апреля по приглашению генерала А. ди Спинолы в Португалию после 14-летней эмиграции возвратился Генеральный секретарь Португальской компартии Алваро Куньял. Вместе с ним на родину прибыла большая группа политэмигрантов. Встретить их в лиссабонском аэропорту пришли тысячи рабочих и демократов. Среди них было немало солдат и офицеров. В их руках, петлицах шинелей и мундиров — алые гвоздики. Алваро Куньяла приветствовали также генеральный секретарь Португальской социалистической партии Мариу Соариш, незадолго до этого прибывший в Лиссабон из эмиграции, демократические лидеры.

На аэродроме Куньял провел пресс-конференцию, переданную всеми радиостанциями и телевидением страны. Затем, поднявшись на башню танка, он обратился к собравшимся с яркой речью, в которой подчеркнул, что компартия приложит все силы в борьбе за мир, свободу и осуществление демократических реформ. После этого машина с Куньялом, которую сопровождал почетный эскорт, двинулась в город, к штаб-квартире Национального совета спасения, где Генеральный секретарь ПКП был принят генералом А. ди Спинолой. Беседа между ними продолжалась около двух часов...

Первое мая 1974 года. Этого дня никто не забудет.

Еще задолго до начала демонстрации сотни тысяч трудящихся собрались на центральных площадях и улицах португальской столицы. Они несли красные знамена и транспаранты, пели революционные песни и национальный гимн, скандировали лозунги: «Да здравствует рабочий класс!», «Да здравствует демократия!», «Да здравствуют наши братья — народы Мозамбика, Анголы и Гвинеи-Бисау!». Никогда еще в истории Португалии не было такого праздника.

Демонстрация завершилась грандиозным митингом трудящихся на стадионе имени 1 Мая, на котором выступили Алваро Куньял, Мариу Соариш, представители демократического движения и профсоюзов. Но праздник на этом не окончился. До самой ночи на улицах, бульварах и площадях столицы не смолкали песни и музыка...

В среду 15 мая состоялась торжественная церемония провозглашения генерала Антониу ди Спинолы президентом Португалии.

На следующий день он привел к присяге временное гражданское правительство, которое будет управлять страной до проведения в 1975 году парламентских выборов. Премьер-министром назначен 69-летний профессор права Аделину да Палма Карлуш. Государственным министром без портфеля, в частности, назначен Генеральный секретарь Португальской компартии А. Куньял, министром иностранных дел стал генеральный секретарь Португальской социалистической партии М. Соариш, министром труда — коммунист А. П. Гонсалвиш. В кабинет министров также вошли другие представители антифашистских демократических сил.

Народ победил.

Генеральный секретарь Португальской компартии Алваро Куньял (слева) и генеральный секретарь Португальской социалистической партии Мариу Соариш.

ПОРТУГА

Национальный совет спасения объявил о том, что новое учредительное собрание должно быть избрано до 31 марта 1975 года путем всеобщего, прямого и тайного голосования. Теперь власть в стране будет осуществляться президентом республики, Национальным советом спасения, временным правительством и Государственным советом, состоящим из членов НСС, семи представителей вооруженных

Невиданная за всю историю Португалии первомайская демонстрация в Лиссабоне.

ЛИЯ: НАЧАЛО ПУТИ

сил и семи человек, назначаемых президентом. Государственный совет будет выполнять законодательные функции вплоть до выборов в парламент.

Итак, перевернута еще одна страница португальской истории. В ближайшие месяцы правительству предстоит ответить на множество трудных экономических, политических и социальных вопросов, доставшихся в наследство от фашистского прошлого. Оно должно будет заложить основы новой хозяйственной политики в интересах всех слоев португальского общества и особенно его беднейших представителей, осуществить новую социальную политику, которая гарантировала бы право на труд, обеспечила повышение уровня жизни, и — самое главное — восстановить мир в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау на основе уважения прав колониальных народов на самоопределение и независимость.

Конечно, на пути решения этих проблем встретится немало трудностей, преодолеть которые будет не так легко. Но, как известно, даже самая длинная дорога всегда начинается с первого шага. А этот шаг уже сделан!

Л. МАКАРОВ

1799–1974 ПРАЗДНИК ПУШКИНА

Начало см. на 2-й стр. обложки.

и потому, что он был последним, концом всех концов, завершением великой эпохи — XVIII века. Он был последним человеком молодой, развивающейся нации и потому же самому первым человеком нации зрелой, развившейся. Герцен сказал, что на вызов, брошенный Петром, Россия ответила 100 лет спустя «громадным явлением Пушкина».

Мы знаем единственные для нас пушкинские слова: «Вольность», «Я памятник себе воздвиг...», «Гений чистой красоты...» — а ведь за ними Радищев, Державин, Жуковский...

«Муза Пушкина,— писал Белинский,— была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде».

«Тысячи тонн словесной руды», если воспользоваться известным стихом Маяковского, изведенные предшественниками и современниками Пушкина, рождали «единые» слова, которые ему, великому, история дала сделать соединными — свести в язык могучий и прекрасный.

В краткой, точной и очень настоятельной рекомендации к составлению словаря «классического русского языка» В. И. Ленин указал точку отсчета: от Пушкина... Да, все в новой русской литературе идет от Пушкина. Создатель русского литературного языка. Основоположник реализма. Первый подлинный художник-историк. Первый... Первый... Первый...

Подводя в начале двадцатого века итоги почти столетнего уже послепушкинского развития, Горький назвал Пушкина началом всех начал. И действительно. От «Евгения Онегина» идет родословная русского героя и русской героини, составившая историю нашего романа: Тургенев, Гончаров, Герцен. В «Медном всаднике» родилась «петербургская тема», которая протянется через Гоголя, через Достоевского к Александру Блоку.

Но дело не только в том, что можно выстроить и проследить такие литературные ряды. Сами они вторичны и производны от большего. Недаром великие наши писатели не только Пушкиным начинают, но, пройдя путями разными и сложными, снова выходят к Пушкину: поздний Достоевский и поздний Некрасов, поздний Блок и зрелый Маяковский, и Есенин, и Твардовский. Это не возвращение назад, не движение по кругу, ибо каждый раз, на каждом новом этапе Пушкин — впереди. Движение от Пушкина оказывается движением к Пушкину.

Когда-то Белинский назвал Пушкина первым на Руси поэтом-художником. Пушкин понят Белинским как поэт-художник именно в том значении, в каком Пушкина понял Гоголь и поймет Достоевский,— как выражение универсального всечеловеческого начала. Именно так через много лет, в пору революционных потрясений, воспримет Пушкина Александр Блок, мечтавший о новом типе человеческой личности, о «человеке — артисте», которого родит «вихрь революций». Ведь в мире раздробленных, разделенных и отчужденных человеческих сущностей, каким является мир частнособственнических отношений, лишь подлинное искусство, лишь подлинный художник несут в качестве нормы и образца идеал цельного, гармоничного человека. Но и для самого искусства не часто выпадают счастливые эпохи, когда этот образец и норма перестают быть только чаемым идеалом и, подчиняясь логике исторического развития и социальных отношений, получают возможность прямой реализации: классическое искусство древних греков, Возрождение, начало XIX века в России, которое Луначарский, имея в виду собственно Пушкина, называл нашим Возрождением. Горький, в свою очередь, сравнивал роль Пушкина в русской литературе с ролью Леонардо в европейском искусстве. Вот какой смысл получает формула великого критика «Пушкин был первым русским поэтом-художником». Первочеловек установившейся нации должен был явиться художником, а «Пушкин,— говорил Луначарский,— был русской весной, Пушкин был русским утром, Пушкин был русским Адамом».

История показала, что Пушкин не только стал первым хронологически, но и остался первым по масштабам и характеру дарования. Никто лучше самого поэта не определил его эстетического универсализма:

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
  На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
  Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
  И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
  И ты, поэт!

А. Н. Островский когда-то назвал стихи Пушкина благодеянием. И это — благодеяние свободы. Чувство свободы, может быть, самое удивительное, что рождает общение с Пушкиным. В «Памятнике» поэт сказал об этом, как о главной своей заслуге:

...что в мой жестокий век восславил я свободу...

Пушкин был близок к декабристам, их мысли и чувства питали молодую пушкинскую поэзию, а одно из первых своих произведений он прямо назвал «вслед Радищеву» — «Вольность». Все его творчество от первой до последней строчки есть восславление свободы: антикрепостническая «Деревня», но и фантастический, сказочный «Руслан» — свободная игра духовных сил свободного человека, предчувствие, по слову Белинского, нового мира творчества. Что же, в этом смысле «Руслана и Людмилу» можно назвать и называли «декабристской поэмой». А после 1825 года, после поражения первого у нас революционного выступления, уже «только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее. Поэзия Пушкина была залогом и утешением. Поэты, живущие во времена безнадежности и упадка, не слагают таких песен...» (Герцен).

Однако поразительное ощущение свободы поэзия Пушкина несет не только там, где она о свободе говорит. Поэтому он всегда оставался в подозрении у «жестокого» века, и даже тогда, когда не создавал крамольных, по характеристике Александра I, «возмутительных» стихов. Пушкин — сама свобода. Какое преодоление ограниченности, какая освобожденность от эгоизма в этом признании:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

В стихах Пушкина обычно нет сентенций и нравоучений, перста указующего, но, как сказал Белинский: «...Мы не знаем на Руси более нравственного, при великости таланта, поэта, как Пушкин».

А подлинный культ свободы у Пушкина никогда, даже в пору его романтизма, «байронизма», как говорили в XIX веке, не переходит в утверждение своеволия и произвола, не соотнесенного ни с чем и ничему не подчиняющегося.

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить...

написал Пушкин, еще почти мальчик. Конечно, не о законах самодержавной (какой уж там закон) России речь. Закон здесь — знак большего и высшего начала. И опять-таки уже в «Памятнике» разве не соотнесенность с таким началом проявилась в желании быть «любезным» народу? Любой пушкинский образ бесконечно значителен. Вы помните «К***»:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

А ведь прославленное знаменитым романсом и в нашем сознании невольно к романсу сведенное, произведение это совсем не стихи «по поводу», не посвященный красивой соседке мадригал. Это обращение к бесконечности, К***, образ, родившийся в круге ассоциаций, навеянных рафаэлевой Мадонной, никогда Пушкиным не виденной, но угаданной. Это стихотворение-фреска. Но это стихотворение — музыка, сложная трехчастная соната, подлинно бетховенское произведение: момент в развитии могучего духа, с борьбой двух начал и с разрешающим, торжествующим выходом в светлый, победительный финал.

Маркс указал в свое время на меру человечности как на подлинно эстетическую меру: «Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку... Человек формирует материю также и по законам красоты».

Пушкинское творчество — это творчество «по законам красоты», одно из высших проявлений самой сути человеческого творчества вообще. Не в этом ли разгадка уникального явления единственного у нас романа в стихах «Евгения Онегина», как «энциклопедии русской жизни» — прямое следствие «энциклопедизма» пушкинской души, пушкинского духа. Не в этом ли способность Пушкина к преодолению национальной ограниченности, своеобразный художественный интернационализм, названный Достоевским всемирной отзывчивостью: «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые

А. С. ПУШКИН. **Скульптура народного художника Азербайджанской ССР П. Сабсая.**

величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один изо всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность».

Пушкин оказался для нас и школой мировой духовной жизни, своеобразной всемирной энциклопедией, вместившей Овидия и Анакреона, Шекспира и Гете, Шенье и Байрона, Саади и Гафиза. В его стихах мы можем ощутить дух исламизма («Подражания Корану») и погрузиться в атмосферу итало-испанского Возрождения («В начале жизни школу помню я...», «Каменный гость»). Всечеловечность Пушкина, впрочем, означала не столько способность перевоплощаться, сколько способность вмещать. Вот почему и в «Подражаниях Корану» и в «Пире во время чумы», во всем и над всем — Пушкин.

Однако способность Пушкина, как говорил Белинский, быть «гражданином всего мира», «гражданином вселенной» не означала быть вненациональным. Само это чудное качество, знаменитый пушкинский протеизм, рождала история его страны, его нации. По поводу горько пессимистичных «философических» писем Чаадаева Пушкин писал его автору: «Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши религиозные исторические воззрения вам не повредили...» В 1836 году Пушкин, окруженный чернью светской, преследуемый чернью власти и травимый журнальной чернью, хорошо знал то, о чем он писал старому другу. Но Пушкин, великий национальный поэт, знал, понимал, чувствовал и то, чем он, Пушкин, велик и чем он славен: «...Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал».

Замечательная особенность Пушкина: мы, люди, можем разниться по степени понимания его произведений, просто по степени знания написанного им, и тем не менее мы всегда ощущаем всего Пушкина — в каждом стихотворении, в каждой строчке он весь. Даже самые чуткие и дальновидные из пушкинских современников и позднейших, часто выдающихся критиков находили у Пушкина «лучшее» и «худшее», говорили об упадке таланта в «Борисе Годунове» и равнодушно проходили мимо «Повестей Белкина».

Сейчас мы радуемся каждому пушкинскому слову, каждой фразе, им произнесенной, наслаждаемся любым письмом, им написанным. И это потому, что мы уже понимаем если не все в Пушкине, то всего Пушкина.

Любой художник вступает в жестокую схватку со временем, и если выходит победителем, то чаще всего с утратами. И нет у нас подобного Пушкину художника, на которого бы время работало так счастливо, так оплодотворяюще. С течением его значение Пушкина, насущная его для нас необходимость не только не становятся меньше, но все более возрастают.

175-летие — какой это светлый юбилей! День рождения Пушкина — какой это праздник! На котором не может быть ни тени фальши или скуки. На котором никакое обращенное к юбиляру слово, самое громкое, не может помешать никакому благодарному шепоту. Праздник Пушкина. Наш праздник!

В. С. ВИРГИНСКИЙ,
доктор исторических наук, профессор

И В ПРОСВЕЩЕНИИ СТАТЬ С ВЕКОМ НАРАВНЕ

ГЕНИЙ — ПАРАДОКСОВ ДРУГ

«...Дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности,— писал Пушкин.— Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности».

Это сближение ученых и писателей далеко не случайно для величайшего русского поэта. Поразительны широта интересов и многообразие знаний Пушкина. В его гениальных творениях с художником соперничают мыслитель, философ, историк. Пристальное внимание к научному творчеству, к историческим исследованиям особенно характерно для последнего периода жизни поэта.

Его оригинальные историко-философские воззрения на роль научно-технического творчества получали свое выражение в журнальных статьях, в издательской деятельности, во многих художественных созданиях. Пушкин поддерживает и отстаивает передовые научные и технические идеи своей эпохи, глубоко осмысливает движущие силы исторического развития.

...О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель,—

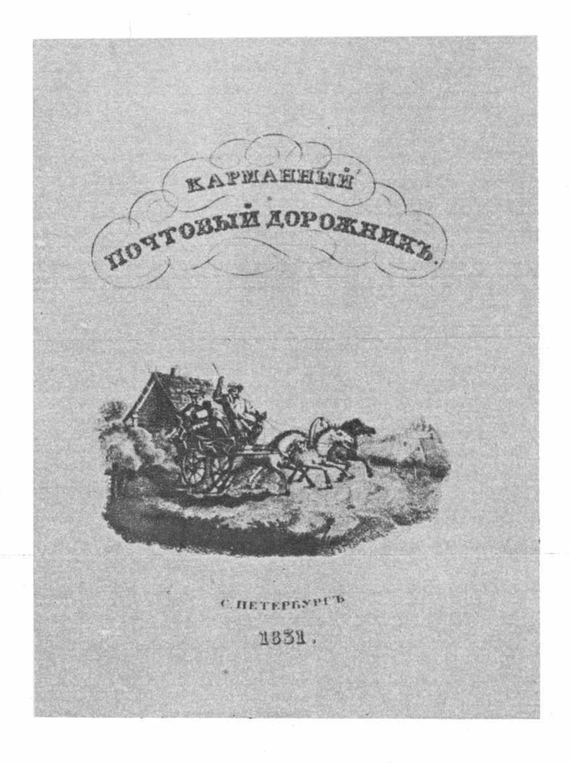
писал Пушкин в 1829 году в одном из своих незавершенных стихотворений.

Обращает на себя внимание четвертая строка. Пушкин именует гения «парадоксов другом». Это знаменательные слова. Пушкинская картина мира характеризуется прежде всего «противуречивостью», парадоксальностью. Несколько позже Пушкин писал, что «все имеет свою злую сторону». Пушкин обычно интересовался не только «плодами наук» и «просвещением» самими по себе, но и их общественно-историческими результатами, их использованием на благо или во зло людям.

Существовала ли связь между пушкинским стремлением рассматривать явления в их «противуречиях» и распространенностью в то время идей и фразеологии шеллингианской философии, постоянно оперировавшей понятиями «тождества противоположностей», «взаимодействия противоположных сил» и т. д.?

Пушкин видел положительную сторону деятельности «молодых, пылких, добросовестных последователей» новейшей германской философии в России в том, что под их влиянием «теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству».

Однако и предмет и метод исследований Пушкина был противоположен предмету и методу изысканий «любомудров» и других современных ему «пылких последователей» немецкой идеалистической философии. Он видел противоречия реальной «существенности» (то есть действительности), реальной человеческой истории, реальной человеческой психологии, что находилось в полной гармонии с реалистическим характером пушкинского художественного творчества этих лет.

О МОНАХЕ, ИЗОБРЕТШЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И ПОРОХ

В соответствии с традициями просветительской литературы XVIII века Пушкин рассматривал средневековье как период глубокого научно-технического упадка, начавшегося еще при последних римских императорах. «Западная империя клонилась быстро к падению,— писал Пушкин,— а с нею науки, словесность и художества. Наконец, она пала; просвещение погасло. Невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота; в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Виргилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды».

О возрождении науки на новой, экспериментальной основе Пушкин рассказывает в произведении, которое представляет большой интерес для нашей темы. Это его незавершенная пьеса «Сцены из рыцарских времен» (1835).

Первоначальный план пьесы был таков: сын богатого торговца сукном, поэт, влюблен в знатную девицу; чтобы добиться ее расположения, он поступает на службу к ее отцу, старому рыцарю; но девушка им пренебрегает, его унижают, и он уходит из замка.

В доме суконщика молодой герой пьесы встречается с братом Бертольдом, ученым монахом-изобретателем. Бертольда хватают (видимо, за нечестивое увлечение алхимией) и заключают в тюрьму. «Бертольд в тюрьме занимается алхимией — он изобретает порох.— Бунт крестьян, возбужденный молодым поэтом.— Осада замка. Бертольд взрывает его. Рыцарь — воплощенная посредственность — убит пулей» — таким поэт видел развитие действия в своем произведении.

Комментаторы установили, что план пьесы связан с размышлениями Пушкина о причинах падения феодализма, с его работой над историей Французской революции. Пушкин задумал показать, как в недрах самого феодализма возникают силы, которым предстоит сокрушить его твердыни.

Это, во-первых, борьба крестьян против феодалов.

Во-вторых, это сила денежного мешка, все более выходящая из-под контроля «рыцарей». В плане пьесы она воплощается в образе «старого буржуа», отца героя. В окончательном тексте это богач Мартын, рассуждающий о знати в самом непочтительном тоне.

И, наконец, в-третьих, это сила новой науки и техники, воплощенная в брате Бертольде. Бертольд (в черновиках уточняется и его фамилия — Шварц) долгое время считался изобретателем пороха. Сейчас установлено, что бернардинец Бертольд, прозванный Черным (der Schwarze), жил в XIV веке, занимался алхимией и действительно усовершенствовал способы применения огнестрельного оружия, известного в Европе с XIII века.

Для Пушкина его герой не только изобретатель пороха, взрывающего стены замка, и ружья, из которого убивают закованного в латы рыцаря. Бертольд, кроме того, еще разносторонний исследователь, занятый алхимическими опытами и решением других подобных научных задач, характерных для эпохи.

В этом отношении Пушкин, как всегда, был исторически точен.

Вот диалог Бертольда и Мартына (в окончательном варианте):

«**Бертольд:** Золота мне не нужно, я ищу одной истины.

Мартын: А мне черт ли в истине, мне нужно золото...»

Богач дает ученому испрашиваемую сумму денег на опыты и задает вопрос:

«**Мартын:** Постой! Ну, а если опыт твой тебе удастся, и у тебя будет и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнию?

Бертольд: Займусь еще одним исследованием: мне кажется, есть средство открыть perpetuum mobile...

Мартын: Что такое perpetuum mobile?

Бертольд: Perpetuum mobile, то есть в е ч н о е д в и ж е н и е. Если найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому...»

М. П. Алексеев в своих чрезвычайно интересных и содержательных этюдах «Пушкин и наука его времени» связывает введение Пушкиным темы о вечном двигателе с современными поэту журнальными сообщениями о том, что известный электротехник Б. С. Якоби «выдумал произвесть беспрерывно круговое движение посредством электромагнетизма желе-

за». Автор предполагает также, что идея ввести эпизод взрыва стен замка порохом возникла у Пушкина под влиянием опытов взрыва пороха электричеством, которыми другой видный изобретатель, П. Л. Шиллинг, был занят в 1833—1835 годах.

Однако эти допущения представляются нам малоубедительными. Пушкин сурово осуждал тех писателей, которые «в век, в который хотят они перенести читателя, перебираются... сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений». Великолепно зная историю мировой культуры, Пушкин описывает Бертольда как ученого и изобретателя XIV—XV веков и придает ему круг исследовательских интересов, который был действительно характерен для того времени. В том-то и проявилось «ясновидение» Пушкина, что он показал, во-первых, как внутри средневековой науки, ставящей перед собой столь фантастические задачи, вырастают побеги новой, «ренессансной» экспериментальной науки и техники, которым предстоит взорвать устои средневековья; а во-вторых, и это особенно замечательно, Пушкин связал возможность успеха новой техники с силой, которая на первый взгляд чужда и враждебна всякому «просвещению»,— с корыстолюбием поднимающейся буржуазии. Напомним, что в «Скупом рыцаре», где речь идет о более раннем периоде феодального общества, владельцы золота выступают лишь в виде собирателей сокровищ. Барон похваляется: «Лишь захочу — воздвигнутся чертоги... И вольный гений мне поработится». Но золото остается в его сундуках.

Теперь богач Мартын финансирует «вольного гения» Бертольда.

Владелец золота — как невольный помощник просвещения. Таковы «парадоксальные» образы, созданные, по выражению В. Ф. Одоевского, «ясновидением» Пушкина.

ЛОМОНОСОВ ОБНЯЛ ВСЕ ОТРАСЛИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Из русских деятелей XVIII века, способствовавших развитию отечественной науки и техники, Пушкин особенно высоко ценил М. В. Ломоносова. В статье «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин посвятил деятельности Ломоносова большой раздел.

«Ломоносов был великий человек,— говорилось там.— Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

В качестве примера того, «с каким жаром говорит он о науках, о просвещении», Пушкин не только ссылается на письма Ломоносова Шувалову и Воронцову, но воспроизводит полностью рапорт, поданный Ломоносовым Шувалову о занятиях с 1751 по 1757 год. В этом рапорте Ломоносов рассказывает прежде всего о своих замечательных опытах по химии и физике. Проявляя превосходное знание истории науки, Пушкин привел именно тот документ, где описаны самые важные достижения Ломоносова по химии и физике.

Пушкина восхищает в Ломоносове не только разносторонний гений, но и огромное чувство собственного достоинства.

«Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: «Мы отставим тебя от Академии».— «Нет,— возразил великий человек: — разве Академию отставите от меня».

В другой статье Пушкин дает Ломоносову следующую характеристику:

«Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, ...с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями...»

ДОРОГИ ВЕРНО У НАС ИЗМЕНЯТСЯ БЕЗМЕРНО

Среди различных вопросов, связанных с задачей ликвидации хозяйственной отсталости России, внимание Пушкина привлекали прежде всего две кардинальные проблемы подготовлявшегося промышленного переворота — введение паровых машин и постепенное устранение традиционного российского бездорожья.

А. С. Пушкин, его друзья и единомышленники находились в первых рядах убежденных сторонников скорейшего решения транспортной проблемы, оказывающей тормозящее влияние на всю хозяйственную и культурную жизнь страны. Вопрос был лишь в том, как, за счет каких средств — частнокапиталистических или казенных — приступить к выполнению этой задачи.

В своих произведениях Пушкин не раз характеризовал плачевное состояние русских путей и средств сообщения. Вот в каких выражениях описывал Пушкин поездку из Москвы в Петербург по Петербургскому тракту — лучшей из грунтовых дорог того времени: «...Путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый».

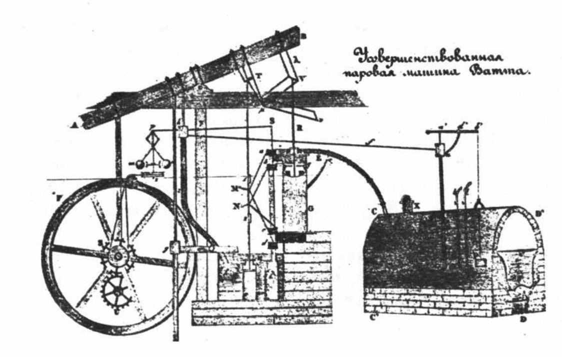
Ответственность за подобное состояние русских дорог Пушкин возлагал на бюрократические и крепостнические методы администрации, которая пыталась бороться с бездорожьем прежде всего введением дорожной повинности. Результаты подобных мер были ничтожны, а сама повинность — разорительна для населения.

«Поправка дорог,— подчеркивал А. С. Пушкин,— одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам».

Прокладку шоссейных дорог казной, несмотря на все отрицательные стороны деятельности правительственных учреждений, Пушкин считал единственно возможным решением вопроса. «Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться».

О шоссе упоминает Пушкин и в XXXIII строфе 7-й главы «Евгения Онегина»:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно.

Чертеж паровой машины Уатта, помещенный на страницах «Современника».

При существовавшем тогда самодержавно-крепостническом режиме любые предсказания о том, когда удастся ликвидировать транспортную отсталость в России, представлялись Пушкину гаданием. И слова: «...по расчисленью философических таблиц, лет чрез пятьсот»,— звучат иронически.

Но далее Пушкин начинает говорить тоном вдохновенного убеждения. Он знает, что, когда будут отброшены препоны «благому просвещенью»,—

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

О МАШИННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА

С большим вниманием следил Пушкин за успехами науки и техники современного ему Запада.

С полным сочувствием отнесся Пушкин к статье В. Ф. Одоевского «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе». Заглавие было предложено самим Пушкиным, поместившим эту статью во втором томе «Современника» за 1836 год. Одоевский осуждал «...новый, действительно чудовищный род литературы, основанный на презрении к просвещению, исполненный ребяческих жалоб на несовершенство ума человеческого, ребяческих воспоминаний о счастливом невежестве предков, возгласов против философии, против машин...».

Незадолго до гибели Пушкин заказал статью по теории паровых машин для «Современника» П. Б. Козловскому. В канун дуэли Пушкин просил Вяземского напомнить Козловскому о заказанной статье. Статья Козловского «Краткое начертание теории паровых машин», опубликованная уже после гибели поэта, была написана в живой, яркой форме и сопровождалась чертежами паровых машин Ньюкомена и Уатта. Козловский подчеркивал, что создание наиболее совершенного типа паровой машины простым «ремесленником Ваттом» явилось достойным ответом тем, которые отрицают необходимость просвещения «людей низкого состояния».

В особом примечании Козловский напоминал, что, работая над этой статьей, он выполнял обещание, данное великому поэту.

«Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века,— писал Пушкин,— но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас».

Бертольды создали, наконец, если не вечный двигатель, то непрестанно движущийся силой пара машинный мир. Но рядом стояли Мартыны, стремившиеся только к одному,— извлекать из всех этих изобретений барыши.

Во вновь колонизуемых землях «пироскафы» (паровые суда) и другие средства торговли и промышленности несли с собой гибель коренному населению.

«Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся,—читаем у Пушкина,— и пространные степи, необозримые реки, на которых сетьми и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский».

А в самой Западной Европе и прежде всего в Англии, где раньше других стран начался промышленный переворот, новая машинная техника сделалась источником нескончаемых мучений для трудящихся.

Видя в техническом прогрессе мощный рычаг общественного развития, Пушкин отрицательно относился к движению разрушителей машин. В одобренной им и помещенной в «Современнике» статье В. Ф. Одоевского «О вражде к просвещению...» резко осуждались похвалы «простоте черни и мужеству ремесленников, разрушающих прядильные машины».

Но вот как описал Пушкин в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» нечеловеческие условия жизни трудящихся в той же Англии: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид... Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона... Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию...»

Использование «плодов наук» не на благо, а во зло людям Пушкин связывал с торгашеским, мещанским духом буржуазного общества. Сами по себе предназначенные для обеспечения власти человека над природой, новейшие технические достижения превратились в средство эксплуатации человека человеком.

КРАЯ МОСКВЫ, КРАЯ

На месте дома, где родился Пушкин, сейчас стоит школа, носящая его имя. На фасаде здания — две мемориальные доски, вторая напоминает о героическом подвиге советских людей в Великой Отечественной войне.

В одной из черновых рукописей романа «Евгений Онегин» сохранились такие строки:

В изгнаньи, в горести,
в разлуке —
Москва! как я любил тебя,
Святая родина моя!

С Москвой были связаны у Пушкина самые первые, самые живые и яркие «впечатленья бытия». Здесь он родился, здесь провел годы детства. Москва того времени удивляла современников «странным смешением древнего и новейшего зодчества», «редкими противуположностями в строениях и нравах жителей. Здесь роскошь и нищета, изобилие и крайняя бедность, набожность и неверие, постоянство дедовских времен и ветреность неимоверная...» — отмечал старший современник Пушкина поэт К. Н. Батюшков.

Детские годы Пушкина проходили на бывшей Немецкой улице (теперь улица Баумана) и в тихих переулочках у Харитонья в Огородниках (Б. Харитоньевский переулок). И хотя ныне все здесь неузнаваемо изменилось, память о поэте жива. На месте дома, где родился Пушкин,— школа, носящая его имя (ул. Баумана, 40); в сквере перед школой — памятник: бронзовый бюст Пушкина-ребенка работы скульптора Е. Ф. Белашовой. Поблизости, на Бауманской площади, расположена библиотека имени А. С. Пушкина, одна из старейших в Москве: ее попечительницей была старшая дочь поэта, Мария Александровна Гартунг.

В Большом Харитоньевском переулке сохранился дом (№ 21), принадлежавший знатному екатерининскому вельможе князю Н. Б. Юсупову. Во флигеле этого дома жили Пушкины в 1802—1803 годах. Это одно из примечательнейших старинных зданий — палаты XVII века, выстроенные в стиле «московского барокко», богато украшенные декоративными деталями. Неподалеку, на улице Чернышевского, находится еще одно весьма своеобразное здание (дом № 22), принадлежавшее некогда Трубецким; москвичи называли его «дом-комод» за необычную форму, нарядность и пышность архитектурного «убранства». Это единственный в современной Москве жилой дом середины XVIII века. Трубецкие были дальними родственниками семьи Пушкиных, и маленького Сашу вместе со старшей сестрой его Ольгой возили к Трубецким «на уроки танцевания». М. П. Погодин, близко знакомый с семьей князя Трубецкого, вспоминал: «Княжны, ровесницы Пушкиным, рассказывали мне, что Пушкин всегда смешил их своими эпиграммами, сбирая их около себя в каком-нибудь уголку».

В 1811 году двенадцатилетний Пушкин уехал из Москвы для поступления в Царскосельский лицей. Лишь через 15 долгих лет удалось ему вернуться в родные места. В лирических строках «Евгения Онегина» он выразил то удивительное чувство светлой радости, окрыленности, восторга, какое охватило его при въезде в родной город:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Москва, как и в годы пушкинского детства, была шумным, многолюдным, своеобразным и «пестрым» городом. Вместе с тем она заметно изменилась, как будто помолодела. Многие улицы были заново отстроены после пожара 1812 года. Преобразилась Красная площадь. Рядом с Кремлевской стеной был разбит Александровский сад и построено красивое здание манежа. Река Неглинка протекала теперь под землей, и Театральная площадь, прежде заболоченная и топкая, приобрела совсем иной облик. Здесь было завершено строительство классически монументального здания Большого театра. Позднее Пушкин заметил полушутя, что «...московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц».

Москвичи восторженно встречали приехавшего из ссылки Пушкина. «Прием от Москвы Пушкину — одна из замечательнейших страниц его биографии»,— писал современник. Когда Пушкин в первый раз появился в Большом театре, «публика глядела не на сцену, а на своего любимца-поэта».

Пушкин рад был снова встретиться с родными, друзьями и знакомыми. В первые же дни пребывания в Москве Пушкин несколько раз читал друзьям свою новую трагедию «Борис Годунов». Сохранился в перестроенном виде дом поэта П. А. Вяземского (ул. Станкевича, 9), где происходило одно из первых чтений трагедии.

У Пушкина появилось в Москве много новых знакомых. Среди них молодой поэт и философ Д. В. Веневитинов, в доме которого (Кривоколенный пер., 4) Пушкин дважды читал «Бориса Годунова». На втором чтении 12 октября 1826 года присутствовали многие московские писатели, журналисты, любители литературы. «Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно,— вспоминал М. П. Погодин.— ...Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления... О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь».

Пушкин часто посещал литературно-музыкальный салон княгини Зинаиды Волконской на Тверской (ул. Горького, 14), бывший, по словам Вяземского, «изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества». В салоне Волконской звучали гениальные импровизации великого польского поэта Адама Мицкевича. Друг Мицкевича рассказывал, как во время одной из таких импровизаций Пушкин, в честь которого давался тот вечер, поднялся с места и, ероша волосы, воскликнул: «Какой гений! Какой священный огонь! Что я рядом с ним?» — и, бросившись на шею Адама, сжал его и стал целовать, как брата... Тот вечер был началом взаимной

Бывший дом Юсупова в Б. Харитоньевском переулке.

О детских годах поэта рассказывает этот уголок музея.

РОДНЫЕ

дружбы между ними» 26 декабря 1826 года Пушкин был на прощальном вечере, устроенном здесь в честь княгини М. Н. Волконской, уезжавшей в Сибирь к мужу-декабристу. «Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения; он хотел передать мне свое «Послание к узникам» для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьевой»,— вспоминала впоследствии М. Н. Волконская.

Пушкин разыскал А. Г. Муравьеву, ненадолго остановившуюся в Москве у родных (ул. Ермоловой, 24), и передал ей свое послание «В Сибирь». Прощаясь с нею, он так сочувственно, так горячо и сильно сжал ее руку, что она не могла продолжать письма, которое начала, когда он вошел.

В свой первый приезд в Москву после ссылки Пушкин прожил здесь несколько месяцев — до 19 мая 1827 года. Впоследствии он бывал в родном городе наездами, один-два раза в год. Зимой 1828/29 года на одном из московских балов Пушкин встретил 16-летнюю Наталью Гончарову. «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение»,— вспоминал Пушкин в одном из писем. Венчание Пушкина и Н. Н. Гончаровой состоялось спустя два года — 18 февраля 1831 года — в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот (ул. Герцена, 36). Через несколько дней после свадьбы Пушкин писал приятелю: «Я женат — и счастлив; одно желание мое, что ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется я переродился». Молодые поселились на Арбате (ныне дом № 53) в квартире из пяти комнат.

С годами круг московских знакомых Пушкина становился все шире: были среди них литераторы и ученые, актеры, художники и музыканты. Пушкин живо интересовался событиями литературной жизни Москвы, бывал в московских театрах, посещал университет, изучал исторические материалы в московском архиве. Ему были хорошо знакомы разнообразные стороны московского быта: часто бывал он и на народных гуляньях, и в великолепном Колонном зале дворянского Благородного собрания (Пушкинская ул., 1; ныне — Дом союзов), и в Английском клубе на Тверской (ул. Горького, 21; ныне — Музей Революции).

В последний раз Пушкин приехал в Москву в мае 1836 года. Он остановился у своего ближайшего друга П. В. Нащокина (Воротниковский пер., 12). Жена Нащокина, Вера Александровна, писала впоследствии: «Для нас с мужем приезд поэта был величайшим праздником и торжеством. В нашей семье он положительно был родной. Я как сейчас помню те счастливые часы, которые мы проводили втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посредине, по обеим сторонам — муж и Пушкин в своем красном архалуке с зелеными клеточками. Я помню частые возгласы поэта: «Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье».

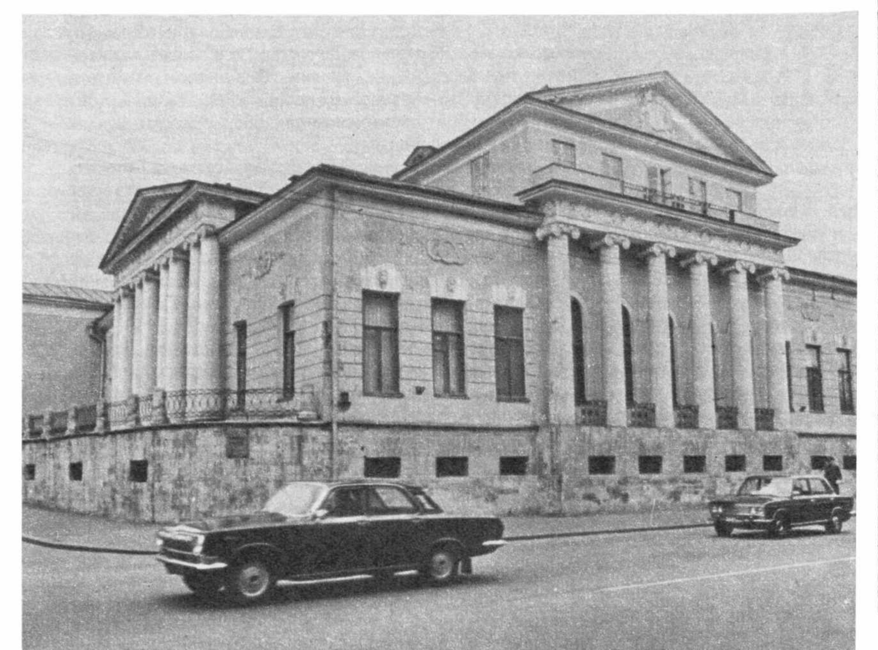
Уезжая из Москвы весной 1836 года, Пушкин предполагал вновь сюда вернуться: здесь жили его ближайшие друзья, здесь ему легче дышалось, чем в чиновном, чопорном Петербурге...

Сегодня пушкинские места Москвы — это не только старинные усадьбы и дома, где бывал поэт. Это и Государственный музей А. С. Пушкина на Кропоткинской улице, это Пушкинская площадь с вдохновенным созданием А. М. Опекушина — памятником поэту, это улица и набережная, носящие имя Александра Сергеевича Пушкина.

Н. ВОЛОВИЧ,
старший научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина

Фото Г. Макарова.

Государственный музей А. С. Пушкина в Москве.

ВЕЛЬЯШЕВА, МНОЮ НЕКОГДА ВОСПЕТАЯ

Екатерина Васильевна Вельяшева. Фото 1850-х годов (публикуется впервые).

В конце января 1829 года Пушкин возвращался из Тверской губернии в Петербург. В пути он начал сочинять стихотворение, посвященное Екатерине Вельяшевой, молоденькой кузине его давнишнего приятеля Алексея Вульфа:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Катеньку Вельяшеву Пушкин встретил на балу в доме ее отца, исправника города Старицы Василия Ивановича Вельяшева, женатого на Наталии Ивановне Вульф, тетке Алексея Вульфа. Юная девушка очаровала поэта. Описывая посещение Пушкиным Старицы, Вульф пишет в своем дневнике: «Здесь я нашел [...] Катеньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я ее не видал, из 14-летнего ребенка расцветшую прекрасною девушкою, лицом хотя и не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милою и добродушною, как ее лета...»

Приятели прозвали Катеньку «Гретхен», и, рассказывая об этом посещении, Вульф записывает: «С ним (Пушкиным.— В. Е.) я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, от чего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен, несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокиту Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны...»

Пушкин выполнил свое обещание вернуться. Менее чем через год вновь он посетил милые его сердцу «мирные края». «Проезжая из Арзрума в Петербург,— пишет Пушкин 16 октября 1829 года Алексею Вульфу,— я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок...» Далее Пушкин замечает: «Гретхен хорошеет и *час от часу делается невиннее*».

Это была, по-видимому, последняя встреча поэта с Екатериной Вельяшевой. Впечатления от старицких посещений отразились в незаконченной пушкинской повести «Роман в письмах», которая писалась в Тверской губернии в 1829 году, по возвращении из поездки в Арзрум. Татьяна Григорьевна Цявловская, крупнейший знаток рисунков Пушкина, определившая два портрета Вельяшевой, выполненных поэтом: один — в черновике посвященного ей стихотворения, второй — в рукописи повести «Роман в письмах»,— высказала предположение, что образ третьей героини повести, Машеньки, навеян Вельяшевой. «Она стройна и странна — мужчинам только того и надобно»,— говорит петербургская героиня повести Лиза, приехавшая в деревню.

Пушкин оставил нам три портрета Вельяшевой. О двух мы уже говорили, а третий обнаружен недавно в тетради с законченной вчерне поэмой «Полтава». Все эти рисунки удивительно изящно передают облик юной провинциалки, ее «милые черты», «скромную спокойность». Эти маленькие шедевры можно отнести к вершинам пушкинской графики.

К сожалению, до последнего времени не было известно иных изображений Вельяшевой. Правда, Т. Г. Цявловской удалось разыскать одну фотографию, представляющую нам Екатерину Васильевну в старости. Но хотя нельзя не узнать в ней черты, подмеченные Пушкиным, все же здесь она весьма удалена по времени от тех дней, когда поэт встречался с Вельяшевой.

Теперь мы можем увидеть другой портрет пушкинской героини. В семейном альбоме Вельяшевых, принадлежащем ныне московскому инженеру Льву Николаевичу Вельяшеву, обнаружен более ранний фотографический портрет той, о ком Пушкин писал жене в 1833 году из Павловского: «Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу».

В. ЕНИШЕРЛОВ

Е. Вельяшева. Рисунок Пушкина.

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД

Иркутск. Декабрь 1846 года. Студеная метель водит жгучие хороводы по пустынным улицам города. Тусклыми огоньками светятся окна нахохлившихся под снежными шапками домов.

Стук в дверь особняка на Арсенальской звучит резко и требовательно.

— Кого там черти принесли?! — сонно спрашивает дворовый Трошка.

— До князя я, до Сергея Петровича!

Несколько минут за дверью — тишина. Но вот глухо звякнул тяжелый запор, в мечущемся пламени свечи показалась помятая физиономия дворового.

— Князь здесь не проживают-с. Здесь содержатся государственный преступник, ссыльнопоселенец Трубецкой с супругою.

Громадный мужик в заиндевелом волчьем тулупе плечом распахивает двери и хватает Трошку за воротник холщовой рубашки:

— Для кого, може, и преступник, а для меня князь! Слышишь, ты, мерин?! Доложи!

Трубецкой спускается по лестнице, кутаясь в стеганый халат.

— Что вам угодно, сударь? В такой час...

Гость вытягивается. Громко стукают каблуки сапог, и дом вздрагивает от зычного баса:

— Рядовой Московского полка Константин Попрядуха, ваше превосходительство.

— Тише, тише, братец.— В глазах Трубецкого надежда и испуг.— Зачем пожаловал?

— Служить, ваше превосходительство!

— Но... я не у дел. Кому ты собираешься служить?

— Вам, князь, России...

Пауза тянется медленно, словно умирающий голос колокола.

— Накорми его, Трошка...

...Они были единомышленниками в то памятное утро 14 декабря 1825 года, когда на Сенатской площади решалась судьба государства Российского. Один сжимал в руке ружье в ожидании последней команды, другой терзался сомнениями в апартаментах, не решаясь бросить судьбе перчатку. Двести шпицрутенов легло на плечи взбунтовавшегося солдата, сорваны эполеты с блистательного полковника. Оба сосланы в Сибирь.

После отбытия каторжных работ Трубецкой поселился в селе Оёк, а затем получил разрешение на жительство в столице Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Иркутске. Здесь и нашел его Попрядуха.

Дом Трубецких на Арсенальской стал местом встреч декабристов. Тайно и открыто приходили они сюда. В этих стенах клокотал мятежный дух России.

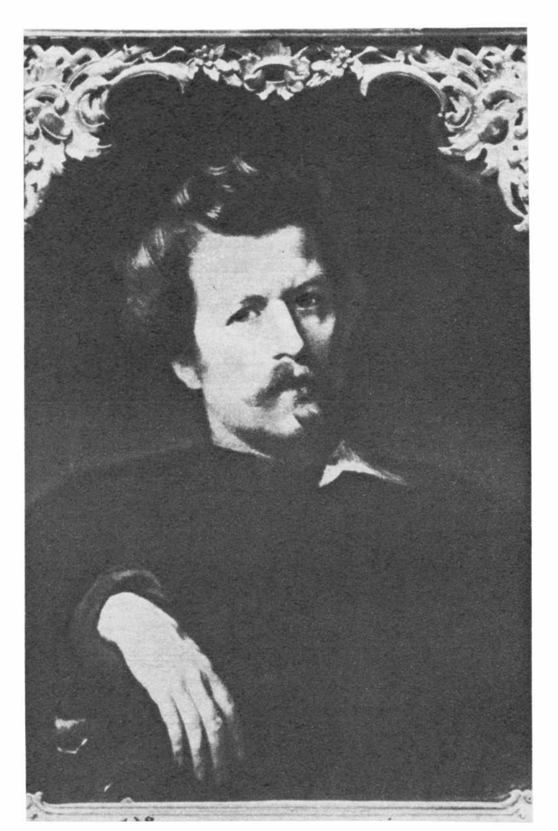
Владимир Раевский, Сергей Волконский, Алексей Юшневский, Николай Бестужев и многие другие считали особняк своим домом. «Душа моя так и просится в Иркутск, чтобы побеседовать досыта и о старом и о новом»,— писал из Селенгинска Бестужев Трубецкому.

Здесь, в теплой гостиной, у камина звучали запрещенные стихи Пушкина и полное трагизма стихотворение Гавриила Батенкова «Одичалый». Двадцать лет просидел Батенков в одиночной камере, куда «солнечный свет проникал лишь изредка».

Со всей Сибири стекались на Арсенальскую вести о просветительской деятельности декабристов, об их борьбе и мучениях.

Век отделил нас от тех тревожных дней. Знаменитый дом на Арсенальской постарел. Медовые бревна уже не дышат свежестью сибирского леса. Ныне здесь находится «Дом-музей декабристов». С чуткой кропотливостью восстановлена обстановка ушедших в историю лет и событий. Опытные мастера по дереву оживили тонкую резьбу, реставрированы камин и кабинет князя Трубецкого.

...Массивные старинные двери открываются с усталым вздохом. На полу гостиной — ковер, принадлежавший декабристу Муханову. Тусклый свет лампады в «красном углу» освещает лик божьей матери. Шаль Марии Николаевны Волконской брошена на спинку

К. Брюллов. АВТОПОРТРЕТ.

Евгения ГАВРИЛОВА,
кандидат искусствоведения

ПАМЯТЬ О КРАТКОЙ ДРУЖБЕ

В печальные дни января 1837 года, когда толпы народа запрудили набережную Мойки близ Певческого моста, лишь один из друзей Пушкина не посетил дом поэта. То был Карл Брюллов. Одолеваемый приступами лихорадки, подхваченной года полтора назад в Афинах, он томился один в обширных комнатах своей академической квартиры, выходившей окнами на Неву. Аполлона Мокрицкого (ученика, рекомендованного Гоголем и жившего у него в мастерской) Брюллов послал на Мойку с тем, чтобы тот привез ему скорбный рисунок. И в ожидании тоскливо перелистывал страницы памяти.

Его дружба с Пушкиным оказалась краткой. Они познакомились 3 мая 1836 года, когда поэт в первый день по приезде в Москву разыскал Брюллова в доме скульптора Витали. Почти ежедневные встречи, общность дум и настроений воспламенили давнее обоюдное восхищение, знакомство стремительно переросло в дружбу. Тем временем Витали лепил их бюсты, вскоре переведенные в мрамор. Пушкин писал жене: «Зазываю Брюллова к себе в П.(етер) Б.(ург),— но он болен и хандрит». В Петербурге давно и нетерпеливо ждали художника, а он медлил, сказывался больным и не двигался из древней столицы вот уже полгода. Еще в Италии, прослышав о желании Николая I видеть его на службе в Академии художеств, Брюллов отправился путешествовать по Греции и Турции. В Константинополе его настиг приказ немедленно выехать на службу. Брюллов повиновался, но, оказавшись в Москве, застрял там.

Поэт подарил ему автограф своего нового стихотворения, тема которого перекликается с современностью, возможно, даже с судьбой Брюллова. Оно начинается так: «Альфонс садится на коня; ему хозяин держит стремя...» Известно, что сюжет его навеян «испанским» романом польского писателя Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе». Но суть стихотворения в образе дона Альфонса, рыцаря без страха и упрека, отважно утверждавшего: «Мне путешествие привычно... Когда спешу на службу я». Такой детали в романе Потоцкого нет. На прощальном вечере у московских художников Брюллов, сделав рисунок на испан-

резного стула. Похоже, только сейчас раскрасневшаяся княгиня вошла с морозца в теплый дом. Открыта крышка рояля. Кажется, вот-вот к инструменту подойдет Алексей Юшневский, его пальцы коснутся холодной клавиатуры, и польются звуки музыки.

Дом живет.

История многих экспонатов музея удивительна и загадочна. Из таежной деревушки бородатый охотник Н. Г. Смородин принес маленькую иконку.

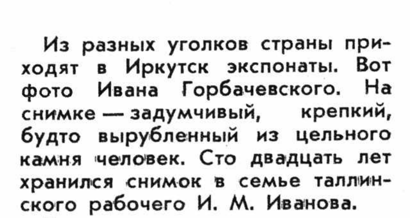
— То от декабриста осталась. Память. С дедом он моим соболевал.

Недавно ленинградский коллекционер В. Грусланов передал в дар иркутянам книги из библиотеки Волконских с автографом князя Сергея.

— Было это в 1945 году. На пятый день после падения Берлина мы с группой солдат и офицеров спустились в подземное помещение бункера,— вспоминает Грусланов.— Здесь среди награбленного фашистами добра я случайно обнаружил книги Волконского. Как они попали в бункер, загадка. Но важно, что они найдены.

Или еще одна находка. О ней мне рассказала заведующая музеем Нина Струк:

— Однажды в музей пришел рабочий из Ангарска Иван Козлов. В руках он осторожно держал большой сверток. «Это вещи Трубецких»,— как пароль, произнес он первую фразу и развернул сверток. Две фарфоровые вазы завода Гарднера и зеркало в серебряной оправе действительно когда-то принадлежали Трубецким. Перед отъездом в Россию в 1856 году князь Сергей Петрович подарил их верному Попрядухе. Позднее потомки Попрядухи породнились с потомками Михаила Кюхельбекера, и памятные вазы стали достоянием обеих семей декабристов.

Иркутск, дом Трубецких. Сейчас здесь находится «Дом-музей декабристов».

Из разных уголков страны приходят в Иркутск экспонаты. Вот фото Ивана Горбачевского. На снимке — задумчивый, крепкий, будто вырубленный из цельного камня человек. Сто двадцать лет хранился снимок в семье таллинского рабочего И. М. Иванова.

Трудно расставаться с дорогими сердцу реликвиями. Но тем и прекрасен человек, что находит в себе силы преодолеть личную привязанность ради высокого дела. Бескорыстие, душевность — в каждом поступке, в каждой вещи. Из Ленинграда пришел перевод на 750 рублей. «Это моя пенсия за 10 месяцев,—пишет Клавдия Ильинична Митрофанова.— Десять месяцев лечилась я в больнице на полном государственном обеспечении. Поправилась, а сбереженные деньги хочу пристроить к нашей заботе. Ведь общая это забота. Русская...»

Красивые люди создают музей декабристов!

По вечерам, после работы, приходят сюда рабочие, художники, студенты, писатели, музыканты. Садятся на старинные деревянные лавки. Пламя свечей выхватывает из полумрака молодые лица и седые бороды. Запах горящей в камине сосны наполняет зал сладковатым дыханием леса. Все, как и много-много лет назад. Даже романсы прошлого века звучат в этих стенах по-особому, легко и незаметно устраняя завесу времени. Старинные часы, возвращенные к жизни, отбивают ход столетий, и сибирский поэт Марк Сергеев читает новые стихи...

...«Я уверен, что добрая молва о нас сохранится надолго по всей Сибири,— писал декабрист Николай Басаргин,— что многие скажут сердечное спасибо за ту пользу, которую пребывание наше им доставило».

Он обладал даром предвидения, этот опальный поручик. Каждую весну благодарная память сибиряков всходит цветами над могилами лучших людей из дворян. Она живет в мраморе надгробий, в сердцах людей, в деревянном доме на тихой улице большого сибирского города Иркутска.

Л. МОНЧИНСКИЙ

скую тему — «Рыцарь, отъезжающий на коне, и Дульцинея, смотрящая на него из окна», сказал: «Этот рыцарь — я сам, я беспрестанно уезжаю».

В последних строфах пушкинского стихотворения буквальным совпадением с эпизодом широко известного романа зашифровано крамольное иносказание. Альфонса ждет в пути страшная встреча с виселицей: «То были трупы двух гитанов, двух славных братьев-атаманов, давно повешенных...» За испанской экзотикой мрачно-романтических образов встает тень петербургской трагедии десятилетней давности — расправа с декабристами. Пушкин не мог не вспоминать о ней, беседуя с Брюлловым, вернувшимся в Россию после тринадцатилетнего отсутствия, как не мог не говорить о «полицейских выговорах», шпионе Булгарине и прочем, упомянутом в последнем письме жене из Москвы, хранящем отзвуки бесед с художником. «Брюллов сейчас от меня,— пишет Пушкин 18 мая.— Едет в П.(етер) Б.(ург) скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. ...Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!»

...Брюллов разыскал в бумагах автограф, подаренный ему поэтом, и всмотрелся в бегущие строки стихотворения, начертанного на синеватом листке почтовой бумаги с золотым обрезом. Мучительное раскаяние кольнуло художника, когда вспомнил он о последней встрече. Всего за два дня до роковой дуэли Пушкин с Жуковским пришли к нему на академическую квартиру. Брюллов раскрыл перед ними папки с новыми рисунками и акварелями. Одна из них, сверкающая многоцветьем, забавная акварель — «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне» (та, что хранится теперь в Кировском художественном музее), восхитила Пушкина. Не выпуская ее из рук, поэт приступил к Брюллову, умоляя отдать ему этот лист. Но художник отказал. Акварель делалась по заказу и уже не принадлежала ему. Утешая огорченного поэта, Брюллов пообещал написать с него портрет и назначил время. Сеанс не состоялся... Брюллов заболел вечером того же дня, 25 января. А теперь — всероссийское горе, вынужденное молчание газет и случайно пробившийся единственный некролог: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался...»

31 января, едва оправившись от болезни, художник просил Мокрицкого читать ему стихи Пушкина. Тогда и возник у него дерзкий замысел восславить поэта вопреки монаршему запрещению. На обороте официальной бумаги — копии отношения министра двора президенту Академии, датированной 22 декабря 1836 года и присланной для сведения,— Брюллов быстрыми, темпераментными штрихами набросал несколько эскизов. Тема их — апофеоз Пушкина. В двух беглых эскизах поэт изображен на скале с лирой в руках, а рядом — фигуры, олицетворяющие Россию и Поэзию. Над ними тени великих поэтов. Брюллов расшифровал аллегорию, записав по-итальянски здесь же, на листе: «Пушкин. Внимает и восхищается Россия. Поэзия увенчивает его. В лучах, исходящих от лиры, видны фрагменты поэзии Пушкина. Сверху внемлют Данте, Байрон, Гомер». Мокрицкий был свидетелем, как пышная аллегория позднее трансформировалась в более конкретный образ: «Пушкин с лирой в руках, на скале Кавказских гор, посреди величественной кавказской природы». Этот сюжет он записал со слов Брюллова в марте. В те дни в гостях у живописца был издатель и журналист Андрей Краевский. Он читал Брюллову неопубликованные стихи Пушкина, найденные в рукописях при разборе бумаг поэта, и рассказывал о плане издания сочинений. Брюллов же высказал желание нарисовать к ним фронтиспис. И этот замысел был неосуществим в годы николаевского царствования, но художник воодушевился еще более грандиозной идеей. Он задумал создать скульптурный памятник Пушкину. Первый беглый очерк двухфигурного монумента — Поэт и венчающая его Слава — возник одновременно с аллегорическими композициями, на том же листе. Теперь же Брюллов вернулся к этой идее в отдельном рисунке. Гений поэзии в виде Аполлона-Кифареда стоит рядом с крылатым конем Пегасом на вершине Парнаса-Геликона. У ног их струится Иппокрена — источник вдохновения. У источника три амура. Один чертит на скале надпись, другой заключает в сосуд волшебную струю, третий склоняется к ним в раздумье.

Идеей памятника поэту, выдвинутой в 1837 году, Брюллов открыл обширный ряд проектов пушкинского монумента. Рожденные душевной болью и безмерным преклонением перед памятью гения, эти эскизы и рисунки завершили историю краткой дружбы, связавшей художника и поэта.

Пионеры в гостях у Софьи Николаевны Данилевской.

Фото Н. Козловского.

КАК ПОРОДНИЛИСЬ ПУШКИН И ГОГОЛЬ

Когда мы уезжали в Полтаву, киевские журналисты подсказали: там живет правнучка Пушкина Софья Николаевна Данилевская. Побывайте, мол, у нее — очень интересный человек.

Уже в Полтаве выяснилось, что полученный нами адрес неточен. И вот, разыскивая Софью Николаевну, мы узнаем, что здесь же проживает и правнучка Гоголя. А один товарищ из официального учреждения сообщил, что живут обе эти правнучки в одном районе и вроде бы очень дружны. Ходят одна к другой на чай. Якобы...

Софью Николаевну мы разыскали. Живет она на улице Леваневского. Во дворе дома № 6 играли дети, а на скамейке, греясь на солнышке, сидела сухонькая старушка. Мы подозвали одну из девочек и спросили, здесь ли живет правнучка Пушкина.

— Здесь...

Правнучка поэта Софья Николаевна оказалась приветливым и общительным собеседником. Несмотря на свои 87 лет, она подвижна, много времени проводит с детьми. Ее внук Николай Владимирович Савельев — инженер-строитель, живет неподалеку, на улице Пушкина, она каждый день ходит к нему, навещая правнуков Володю и Алешу.

— Я очень хорошо помню своего деда Александра Александровича — сына поэта,— рассказывает Софья Николаевна.— Это был боевой генерал. Во время русско-турецкой войны за личную храбрость он был награжден золотым оружием. Умер Александр Александрович, когда я была уже взрослой, в четырнадцатом году, в самый день начала мировой войны.

У нас в роду все боевые,— продолжает Софья Николаевна.— Мои дети Марина и Александр в сорок первом добровольно пошли на фронт и воевали, судя по орденам, неплохо... А я всю жизнь с детьми. В двадцатые годы здесь, на Полтавщине, организовывала первые детские ясли, потом работала в детском доме, сирот воспитывала...

И тут мы решили спросить ее о родственнице Гоголя.

— Это я и есть,— ответила Софья Николаевна, и ее глаза лукаво блеснули.— Моя мама Мария Александровна Пушкина была замужем за Николаем Владимировичем Быковым — племянником Гоголя, сыном его родной сестры Елизаветы Васильевны. У Гоголя детей не было, и его имение здесь, на Полтавщине, унаследовал мой отец...

С. КАЛИНИЧЕВ

СКОЛЬКО СТРУН, НЕЗАБВЕННЫХ ИМЕН

Всеволод **РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

Нет, не мог он остаться в былом!
Неподвластный обычным законам,
Бывший некогда Царским Селом,
Стал он царственных муз пантеоном.

Видел город сквозь грохот и тьму,
Над собой раскаленное небо,
Вражьей злобой прошло по нему
Беспощадное пламя Эреба.

Но над пеплом есть праведный суд,
И ничто не уходит в забвенье.
Музы, в свой возвращаясь приют,
Вновь ведут за собой поколенья.

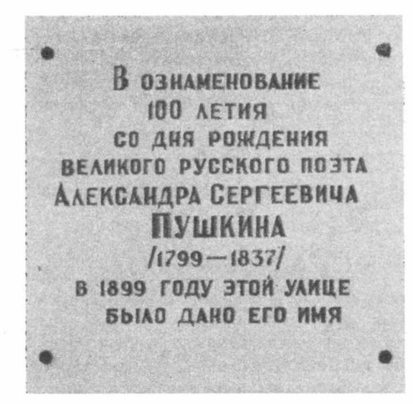
Сколько струн, незабвенных имен
Слышно здесь, в этом воздухе
мглистом,
Где склоняются липы сквозь сон
Над бессмертным своим лицеистом!

К белым статуям в сумрак аллей,
Как в Элизиум давних видений,
Вновь на берег эпохи своей
Возвращаются легкие тени.

На любимой скамье у пруда
Смотрит Анненский в сад оголенный,
Где дрожит одиноко звезда,
Озаряя осенние склоны.

Юность Пушкина, юность твоя
Повторяют свирели напевы,
И кастальская льется струя
Из кувшина у бронзовой Девы.

НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА

Мемориальные доски (на узбекском и русском языках) в Ташкенте на улице Пушкина, поименованной в честь 100-летия со дня рождения великого поэта.

УЛУҒ РУС ШОИРИ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН
/1799—1837/
ТУҒИЛГАН КУНИНИНГ
100 ЙИЛЛИГИ МУНОСАБАТИ БИЛАН
1899 ЙИЛДА БУ КЎЧАГА
УНИНГ НОМИ
БЕРИЛГАН

В одном из вариантов стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» читаем:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык —
И внук славян, и финн, и ныне полудикой
Тунгуз, киргизец и калмык.

«Киргизцу» довелось «назвать» великого поэта в мае 1899 года. Газета «Туркестанские ведомости», описывая празднование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина в г. Перовске (ныне Кзыл-Орда), отмечала: «...празднование привлекло в городской сад более двух тысяч русской и туземной публики... Киргизы, прослышав про томашу (зрелище.— **Прим. авт.**), еще раньше, во множестве стали стекаться на 27-е число в город из отдаленных мест уезда, и если многие из них не могли понять всего, что читалось и пелось в саду, то, во всяком случае, имя великого русского писателя Пушкина отныне им знакомо».

Но официальные круги вовсе не были заинтересованы в том, чтобы «восславившая свободу» поэзия Пушкина становилась широким достоянием угнетаемых народов. Как сообщала газета «Русский Туркестан», в Намангане юбилей отмечался «при закрытых дверях». А в Ташкенте голова городской думы, выступая на собрании горожан, посвященном Пушкину, не упустил случая обрушиться на «крамольников», идущих против «своего царя и государства». Характерен и такой штрих: чтобы вывесить портрет поэта, организаторам пушкинских дней в Каттакурганском училище пришлось обращаться за разрешением в министерство просвещения.

Несмотря на всяческие заградительные меры, передовая русская интеллигенция делала все, чтобы пушкинское слово зазвучало в эти дни в полную силу. В Ташкенте инициативу на себя взял «Кружок народных чтений». На пушкинских вечерах ставили сцены из «Бориса Годунова» и оперы М. Глинки «Руслан и Людмила». В городском саду читали биографию поэта, демонстрировали «туманные картинки» на пушкинские сюжеты. Учащиеся русско-туземных школ декламировали стихи поэта на русском языке. Каждый посетитель городского сада получил в подарок портрет А. С. Пушкина.

Юбилейные комитеты были образованы также в Самарканде, Новом Маргелане (ныне Фергана), Ашхабаде, Пишпеке (ныне Фрунзе), Чимкенте, Намангане, в других городах Средней Азии. В эти дни центральные улицы Ташкента, Верного (ныне Алма-Ата) и городской сад в Самарканде получили имя великого поэта. Собрание уполномоченных Пишпека «в ознаменование дня столетия рождения великого русского поэта» учредило специальное пособие, и весьма любопытно, что его обладателем по единодушному решению собрания стал Михаил Фрунзе, тогда еще гимназист.

В эти дни были сделаны первые переводы произведений Пушкина на узбекский язык. На страницах «Туркестанской туземной газеты» появилась биография поэта, прозаический перевод стихотворения «Поэт», а затем «Бахчисарайского фонтана» и «Сказки о рыбаке и рыбке».

Ю. ГЛАСС, Вяч. КОСТЫРЯ

О. Кипренский. А. С. ПУШКИН. 1827 г.

Г. Чернецов. ПУШКИН, КРЫЛОВ, ЖУКОВСКИЙ И ГНЕДИЧ В ЛЕТНЕМ **САДУ. 1832 г.**

Музей-квартира А. С. Пушкина на Мойке (Ленинград).

Уголок гостиной.

Вид с Мойки.

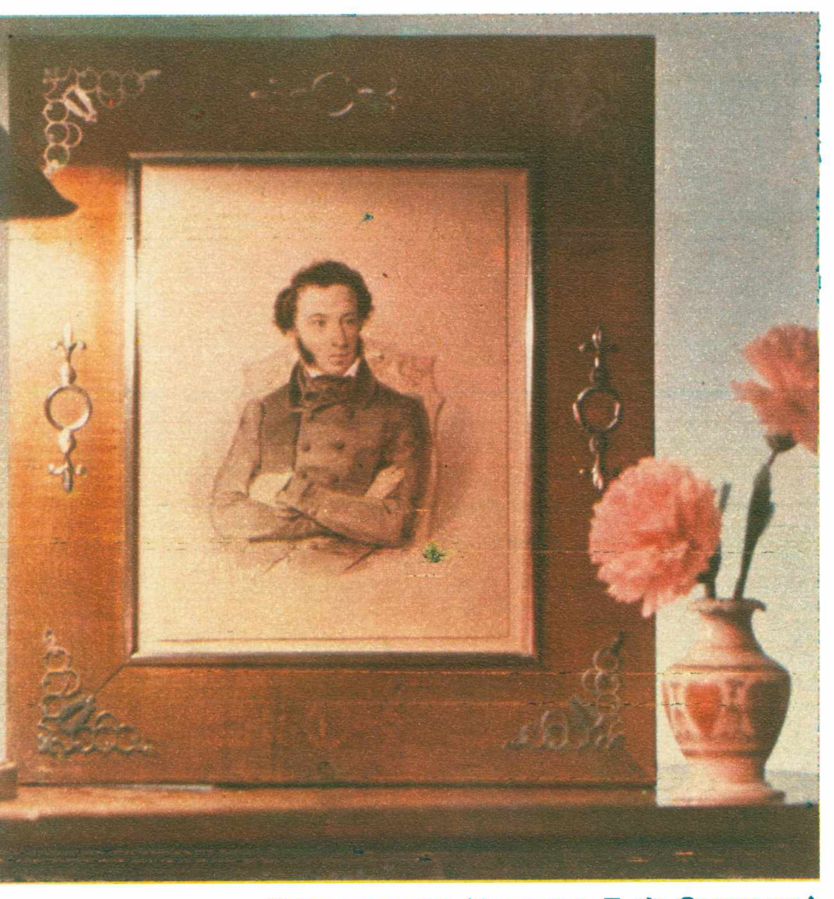
Фото Н. АНАНЬЕВА.

Москва. Памятник А. С. Пушкину скульптора А. Опекушина.

Кабинет А. С. Пушкина. Рабочий стол поэта.

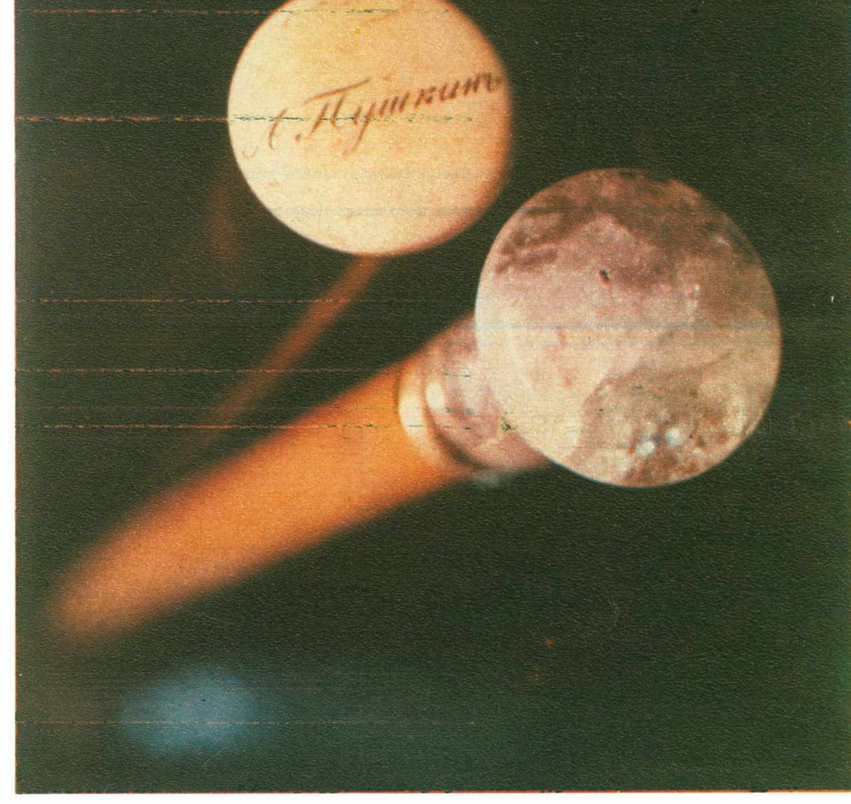
Портрет поэта. (Акварель П. Ф. Соколова.)

Клавесин Пушкиных.

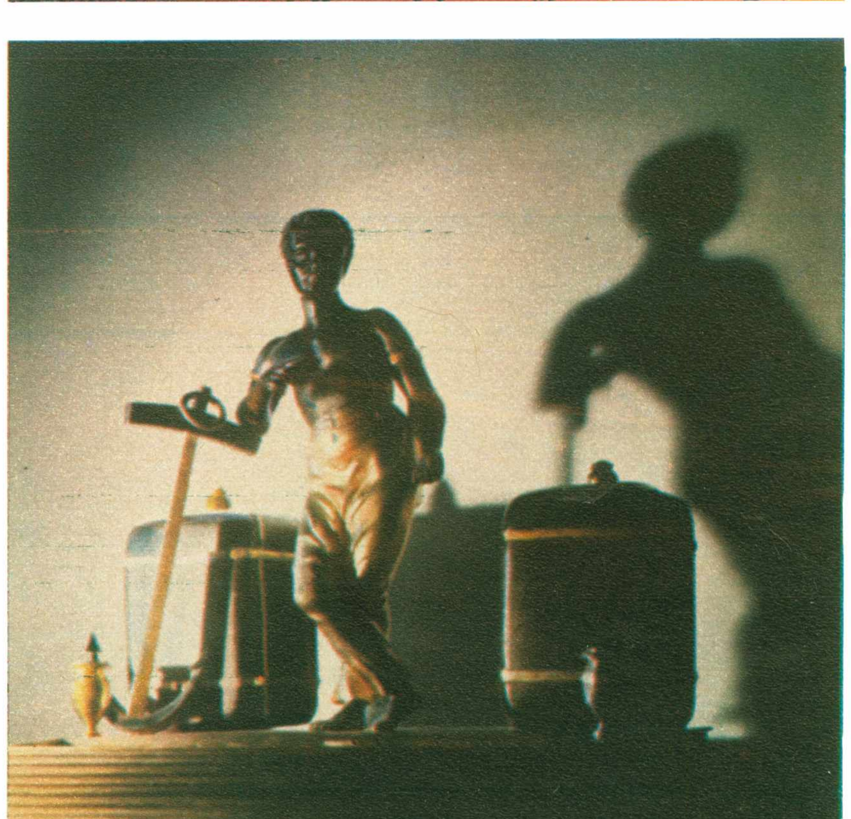

Камин в музее-квартире.

Трости А. С. Пушкина.

Чернильница с арапчонком на рабочем столе поэта.

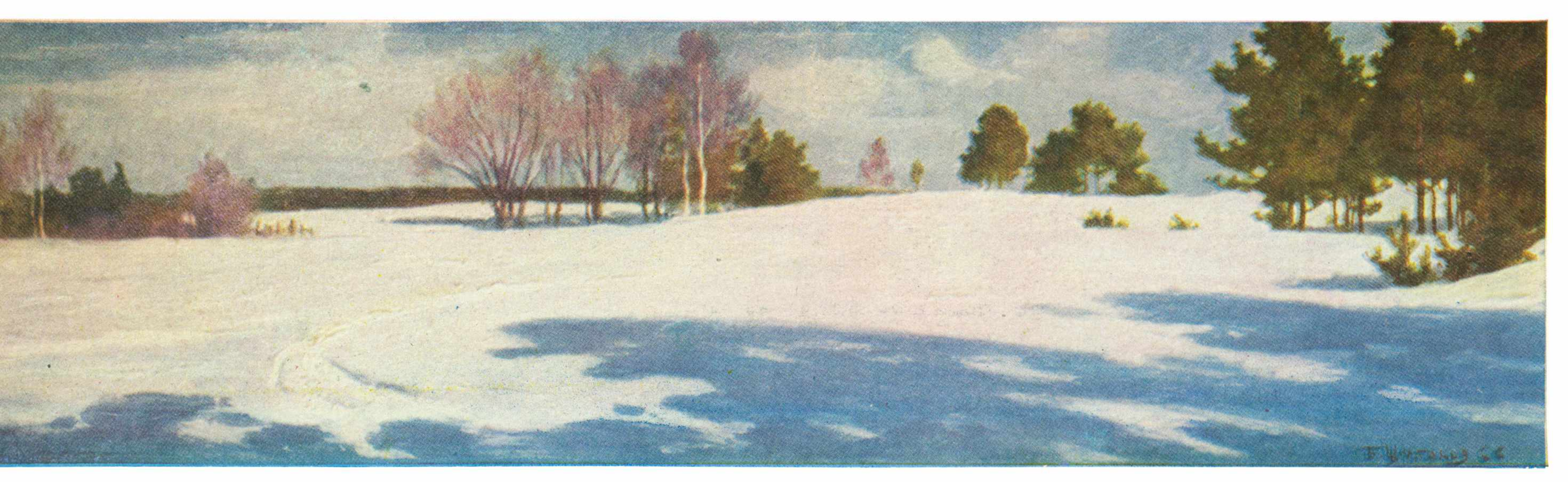

Б. Щербаков. ЛУНА НАД БЕЛАГУЛЕМ.

ПРЯЧЕТСЯ СОЛНЦЕ.

Б. Щербаков. ПЕРВЫЙ СНЕГ.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ.

МИХАЙЛОВСКОЕ

Б. ЩЕРБАКОВ,
член-корреспондент
Академии художеств СССР

«Пушкин! Он и в лесах не укроется; лира выдаст его громким пением»,— писал Дельвиг.

Я вспомнил эти строки, бродя в окрестностях Михайловского по берегам окруженного сосновым бором озера Маленец, везде ощущая присутствие поэта. И там, «где в гору подымается дорога, изрытая дождями», и спускаясь по склону лесистого холма, вокруг которого порядком подросло то самое «младое племя» — пушистые сосенки с прозрачными смоляными каплями на тонких, как свечи, стволах. Среди раздолья полей и в лугах, «уставленных душистыми скирдами»,— всюду присутствует пушкинское слово, и стихотворные строки сами собой всплывают в памяти.

Сорок лет назад, восемнадцатилетним юношей, студентом Академии художеств, приехал я впервые с самодельным этюдником в этот «приют спокойствия, трудов и вдохновенья», чтобы своими глазами увидеть мир, воспетый гением и любимый с детства.

Незабываемое впечатление оставила в моей душе эта первая встреча с Михайловским — пустынным, глухим в те годы уголком Псковщины. По тряской, булыжником вымощенной дороге, ведущей на Новоржев, в безрессорной крестьянской телеге приехал я в Пушкинские Горы.

Четыре года подряд летом и осенью ездил я в эти места, жил в Савкине и Петровском, исходил все вдоль и поперек, писал этюды. Тогда еще были живы люди, помнившие Пушкиных, и я зарисовал старую крестьянку, знавшую последнего владельца Михайловского, младшего сына поэта — Григория Александровича.

На бугре меж Савкиным и Тригорским стояли две небольшие ветряные мельницы, вернее, то, что осталось от них. Эти свидетели давних времен тоже попали в мой альбом.

Жизнь так сложилась, что на берегах Сороти я оказался снова лишь через тридцать лет, чтобы продолжать начатое в юности дело.

Неузнаваемо изменилось Михайловское за эти годы. Мне удалось опять поселиться в Савкине, встретить кое-кого из людей, с которыми познакомился в молодости, постоять у тех же берез, внимая их веселому шуму. Могучими стали кроны, и тонкие ветви опустились до самой земли, окончательно зарос лесистый холм, и темно-изумрудные камыши островками покрыли лесное озеро Маленец, но по-прежнему во всем этом жил дух пушкинской поэзии, на века здесь поселившийся.

Снова потянулись месяцы и годы работы над пейзажами дорогих сердцу мест. Теперь я расширил свои маршруты, добрался до озера Белагуль — восточной границы земель, пожалованных императрицей Елизаветой Абраму Петровичу Ганнибалу.

На берегах этого озера и сейчас царит удивительная тишина. Необитаемый островок, гранитные валуны, разбросанные по прибрежным холмам, шелестящие даже в безветрие камыши у кромки воды — все напоминает то ли сказку, то ли древнюю-древнюю быль. Часто уже в Москве в деловой суете повседневности вспомнится вдруг голубая Сороть в тихий вечерний час, тишина, притаившаяся в полумраке соснового бора, и сердце наполняется покоем, радуясь возможности новой встречи с этими краями.

Все времена года и почти все состояния природы воспеты в пушкинских стихах. И хотелось, чтобы моя пейзажная сюита была созвучна и близка его звонкой, прозрачной лирике.

Когда в осеннюю стужу мерзли руки и непослушная кисть падала на землю, вспоминалось: «Здоровью моему полезен русский холод»,— и сразу появлялись силы. Растерев покрасневшие от холода руки, с новой энергией принимался за работу. Так было во второй половине октября, когда на берегу реки писал неожиданно выпавший первый снег. Березы еще стояли в полной красе, вырисовываясь четкими бронзовыми силуэтами на фоне свинцового неба, и в лощинах ярко зеленела трава.

Немало на Руси чудесных уголков с прозрачными озерами, холмов, окутанных темными лесами, но именно Михайловское с особой силой влечет к себе сердце каждого русского человека. И в этом — подтверждение народного признания, о котором пророчески писал Тютчев в посвященных Пушкину строках:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

В. С. Садовников. Панорама Невского проспекта (фрагмент). Акварель.

ДРАГОЦЕННЫЕ ЭКСПОНАТЫ

Ленинград, набережная Мойки, 12. Дом, где Пушкин прожил последние четыре месяца жизни. Тишина в квартире поэта. Посетители молча подолгу рассматривают каждую вещицу, памятку Его времени. Собственные шаги гулко, толчками отдаются в сердце... В этом кресле, покусывая по привычке кончик пера, он сочинял последние стихи, смотрел на эти часы, чтобы в то утро первым быть. Часы теперь стоят, навечно отмечая миг смерти великого поэта.

Часто вечерами здесь собираются почитатели его гения. Неровные всплески света от горящих свечей оживляют лица на портретах, освещают тесный кружок собравшихся в музыкальной гостиной.

Сотрудникам музея удалось не только сохранить семейные реликвии Пушкина, но и сберечь традиции, дружескую теплоту отношений, дух творчества, царивший при его жизни в этом доме.

Впрочем, не рассказ о музее-квартире Пушкина входит в мою задачу. Но быть рядом и не войти в эту дверь невозможно...

В глубине двора разместились в старинной пристройке фонды Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Здесь хранятся предметы быта пушкинского времени, картины, подарки музею и новые приобретения, еще не представленные в экспозициях. Каждая музейная находка — это не только пополнение собрания и радость для специалистов, но возможность еще шире и глубже показать мир Пушкина, его эпоху. Только за последние пять лет коллекция музея пополнилась более чем четырьмя тысячами экспонатов. Часть из них впервые будет представлена вниманию посетителей литературных и мемориальных экспозиций в дни празднования юбилея поэта.

Любопытна история каждой из находок.

Передо мной развернули запеленатое в папиросную бумагу длинное узкое полотно. Это «жемчужина» последних приобретений музея: акварель В. С. Садовникова — фрагмент панорамы Невского проспекта. Долгое время полагали, что акварели Садовникова утеряны. Наконец, один фрагмент был приобретен в 1940-х годах Государственной Публичной библиотекой. Недавно Всесоюзный музей Пушкина приобрел другую часть панорамы, находившуюся до сих пор в собрании коллекционера редких книг Н. Смирнова-Сокольского.

Фрагмент этот особенно дорог тем, что на нем изображена книжная лавка Смирдина, где часто бывал Пушкин. Существует предположение, что две миниатюрные фигуры рядом с книжной лавкой изображают Пушкина и Жуковского.

Помимо высоких художественных достоинств этого уникального произведения русского графического искусства первой половины XIX века, панорама имеет и большую документальную ценность. Выполненная с натуры, акварель с удивительной точностью воспроизводит особенности архитектуры и бытовых сцен на Невском проспекте.

Другой экспонат имеет прямую связь с домом 12 на набережной Мойки. Это акварельный портрет владелицы дома, сестры декабриста С. Г. Волконского — Софьи Григорьевны Волконской. Любопытна история портрета. Когда упоенный победой над Наполеоном Александр I отправился на Венский конгресс, среди сопровождающих его лиц была и С. Г. Волконская. В Вене знаменитый миниатюрист того времени Изабе написал ее портрет. Позднее близкая приятельница Волконской маркиза де Брандез сделала с него копию, которая до недавнего времени хранилась у потомков талантливой француженки. В музей портрет передан праправнучкой ее, Т. Ф. Соболевой, живущей сейчас в Иркутске.

Рядом с этими приобретениями хранятся документы и изобразительные материалы XVIII и XIX веков, десятки ценнейших книг, значительное число работ советских художников. Особая поэтичность и высокое мастерство отличают новые иллюстрации к сказкам Пушкина мастера графики из Прибалтики, народного художника СССР Г. Х. Рейндорфа.

Есть в фондах музея и альбом с сорока иллюстрациями к «Евгению Онегину», выполненными П. П. Соколовым в 1855—1860 годах. После смерти А. С. Пушкина Анненков, издатель собрания его сочинений, предполагал выпустить в свет некоторые из более крупных произведений с иллюстрациями, но вскоре отказался от этой мысли. «Тогда,— пишет Соколов в одном из писем,— я решился иллюстрировать «Онегина» на свой страх и постепенно так увлекся этой работой, что к концу года из рисунков составился целый альбом». Изящные, необычно построенные рисунки произвели сенсацию в тогдашней Москве, и академик П. К. Клодт предложил свои средства на публикацию «Онегина» с этими иллюстрациями, однако издание не состоялось за неимением хороших граверов. Впервые альбом был издан в 1892 году.

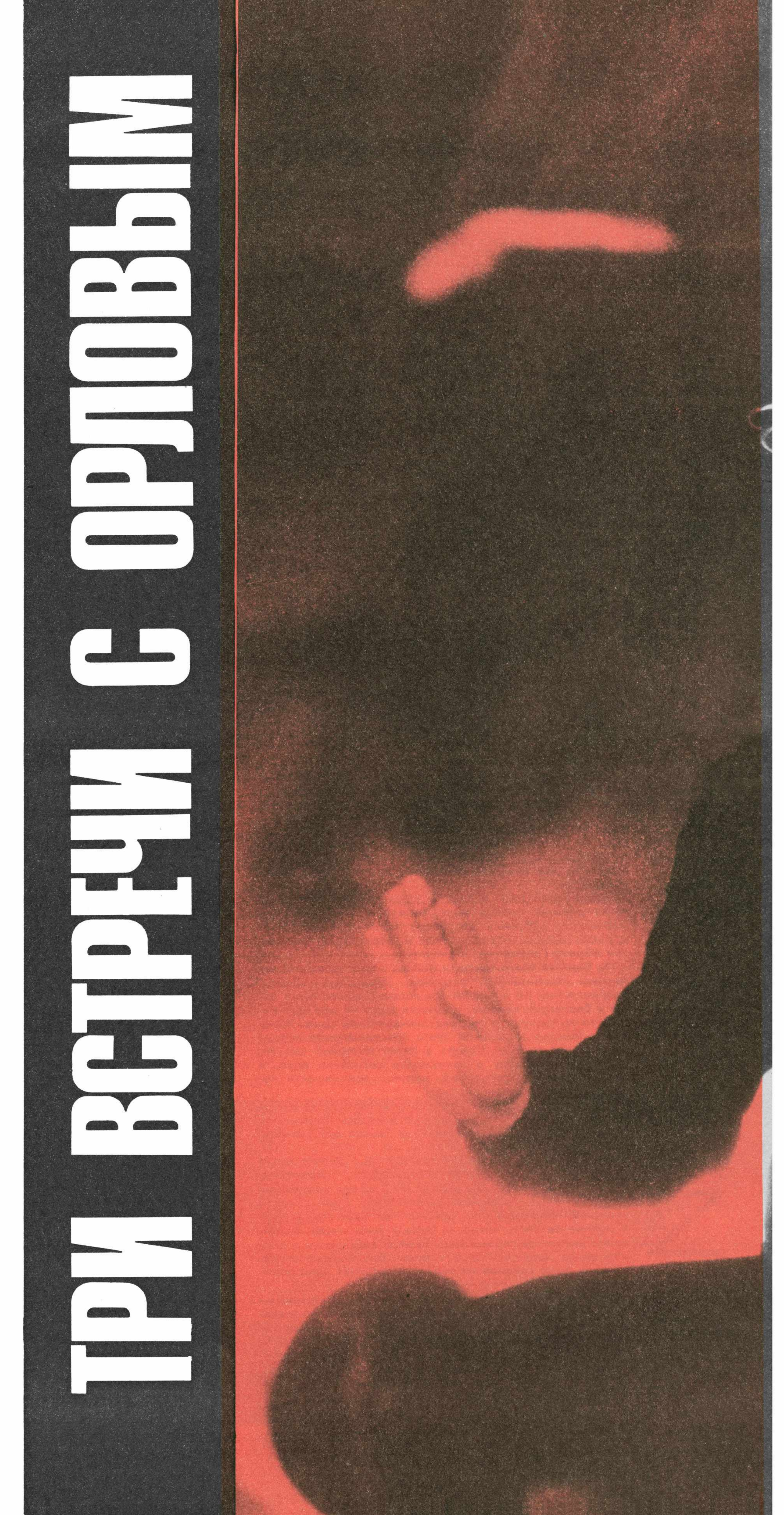
В числе новых экспонатов — энциклопедия Дидро и Д'Аламбера в 35 томах. Известно, что точно такая же энциклопедия была в библиотеке поэта. Скоро она будет экспонироваться в музее-квартире А. С. Пушкина.

Многолетний труд десятков людей — историков и искусствоведов, художников и сотрудников музея, ученых и просто почитателей пушкинского гения — стоит за каждым из найденных, приобретенных или подаренных экспонатов, пополнивших наши знания о мире великого русского поэта.

В. КРАМОВА

КАНДИДАТЫ НЕРУШИМОГО БЛОКА

ТРИ ВСТРЕЧИ С ОРЛОВЫМ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Г. РОЗОВА.

Еще когда летела к нему в Запорожье, задумала: хорошо бы встретиться с ним сначала дома. В семейном кругу человек смотрится иначе — глубже, будто бы освещенный светом изнутри. Даже если он и неразговорчив, то сама обстановка, предметы, среди которых он находится, расскажут о нем. Так и получилось: в день моего приезда у Орлова был как раз выходной.

ДОМА

Стоял морозный солнечный полдень. В гостиной Орловых все сверкало и искрилось до ряби в глазах: шары и канитель на огромном, от пола до потолка новогоднем древе, хрусталь в серванте, полированная поверхность обеденного стола... Я бывала во многих квартирах, во многих городах. Иные обставлены скромно и сдержанно, так, что чувствуется: люди здесь думают не столько о респектабельности, сколько об элементарном удобстве для себя и не приобретают ничего такого, что стояло бы без пользы. В таких квартирах просторно и светло. Другие обставлены претенциозно, с нарочитой пышностью — тут и картины, и канделябры, и напольные вазы, и цветы на подставках, и различные столики и кресла, сконцентрированные с такой антикварной ненасытностью, что и ступить негде.

Ничего специфического, особенного, что говорило бы о профессиональной принадлежности или склонностях и увлечениях хозяев, в доме Орловых не было. Обыкновенная современная обстановка, расставленная с разумной целесообразностью и хорошим вкусом. Никаких безделушек. В шкафу, искусно, под гарнитур, сделанном, как рассказал потом хозяин, им самим, книги. С книг и начался у нас разговор. Но прежде несколько слов о нем самом.

ОН. Красивое, с правильными чертами лицо. Изучающие, серые с голубизной глаза, тщательно зачесанные на пробор русые волосы с легким инеем на висках и обаятельнейшая, покоряющая улыбка. М-да... не лишены основания рекомендации, преподанные мне: «Вы видели нашего Орлова? Каков, а? Симпатичен, не правда ли? А как держится, а?»

Рассмотрев книги в шкафу — Детская энциклопедия, Толстой, Лермонтов, Макаренко,— спрашиваю, что любит он читать.

— Да разное: современный роман, приключения, исторические повести. Недавно прочел Попова «И это называется будни». Интересно он пишет о металлургах. Но особенно близок мне Макаренко, близок и нужен. Нечто вроде настольной книги. Часто к нему обращаюсь за советами. Вы не будете возражать, если я закурю? Нет? Вот и хорошо.

Орлов достал сигареты, придвинул пепельницу из чешского стекла:

— Память о Кошице. Причинила эта пепельница мне немало хлопот. Тяжелая, большая, пришлось упаковывать отдельно.

— Долго ли были в Чехословакии?

— Я был там три раза: в шестьдесят пятом, шестьдесят девятом и семидесятом годах. Первый раз жил в Кошице долго — три месяца. Вместе с нашим оператором

Лысенко участвовал в пуске стана «1700» горячего проката на металлургическом комбинате. Подружился со Штефаном Смолецовым, он работает на этом стане вальцовщиком. Мы с ним примерно одного возраста. Но познакомился я со Штефаном раньше, когда он приезжал к нам на стажировку. Жил он в заводской гостинице возле нашего Дворца культуры, где остановились сейчас и вы. Нашей дружбе уже восемь лет. За это время у нас появилась Юлька, а у Смолецовых — Штефан, по-русски Степа. Наши жены и дети в постоянной переписке.

Орлов пошел в соседнюю комнату, к дочкам, принес оттуда коробку с письмами.

— Посмотрите, а я пока похозяйничаю. Тамара, жена моя, на работе, придет в шесть. Она работает всегда днем, старший инженер центральной заводской лаборатории. Что вам предложить: чай или кофе?

«Здравствуй, Тамара, Вова, Ирка, Июля и бабушка! Твое письмо обдержала, за него спасибо,— читаю я с улыбкой русские слова, написанные на иностранный манер.— Когда ты пожелаешь приехать в гости? Я теперь нет. Степа еще маленький. Нехорошо такую далекую дорогу. Степа есть уже великий. У него будет скоро два года. Напиши, как живете, как твое здоровье. Смолецова Гелена».

А вот, вероятно, и сама Гелена. На фотографии худенькая, изящная женщина в очках, с короткой стрижкой, трое девочек и упитанный карапуз, тот самый, который Степа. Вот тонкая, как листик, открытка из фанеры, с выжженным на ней видом. Еще письма, фотографии...

— Ознакомились? — Орлов расставил на столе чашки, конфеты.— Прошу. Вчера у нас были гости. Ирине четырнадцать лет исполнилось. Но под этим предлогом все шли ко мне. Поздравляли. Сначала пришел Волков, работал у нас в цехе вальцовщиком, теперь сам начальник цеха, Герой Социалистического Труда, член ЦК Компартии Украины. Следом за ним — Василевич, Кузьминов и Прокопов из нашего цеха. Все мои лучшие друзья. Прокопов у нас партгрупорг, Василевич — начальник смены, Кузьминов — старший вальцовщик, как и я. Пятнадцать лет вместе. Они тоже — читали в газетах? — ордена получили. Радостные дни, счастливые... Но перед сменой надо обязательно поспать...

Я закрыла записную книжку, а он вдруг спохватился, будто сказал что-то не так:

— Нет-нет, что вы? До шести еще далеко. У меня «мертвый час» с шести до десяти.— И стал рассказывать про Кузьминова, Прокопова, Василевича и других своих товарищей, о том, какие они замечательные люди, и что только с ними не было пережито, и что он считает главным в их рабочем характере. Знал, чем меня можно удержать! Но о них и о работе речь впереди. Тем более что договорились о следующей встрече с Орловым в цехе в шесть утра.

ОНА. «Только муж и жена вместе образуют действительного человека». Ведь Фейербах так сказал. Что ж, если развивать эту мысль, то я должна представить читателю и Тамару Ивановну Орлову, Томочку, как ее зовут знакомые и друзья из Шепетовки. Да, она землячка Николая Островского. Родилась в семье военнослужащего, вот совпадение: отец Владимира тоже был офицером, погиб в самом начале войны, на границе. А судьба свела их обоих, Тамару и Володю, в Запорожье уже после войны. Оба приехали подростками учиться и поступили в один и тот же техникум — металлургический. Тут и подружились. Началось все с катка. Тамара совсем не умела кататься на коньках. А Володя слыл конькобежцем. Он и танцевал хорошо и пел... Словом, поехали они как-то с Томой на каток, что был возле «Запорожстали». Потом вместе стали заниматься в библиотеке, ходили на танцы.

Скоро Володю призвали на действительную службу в армию. Тамара получала из авиационной части солдатские треугольнички и отвечала на них. После окончания техникума ее направили на «Запорожсталь» в лабораторию. Лаборантка и все? Этого ей показалось мало: решила поступить на вечернее отделение института. Учиться и работать было очень трудно, но девушка упорно совмещала то и другое. И дружба ее с Володей тоже крепла. По возвращении из армии он закончил техникум, пришел на «Запорожсталь». Но поженились они только в 1959 году, после того, как Тамара защитила диплом.

Конечно, Владимир тоже подумывал о вузе, стал заниматься на подготовительных курсах, благо молодые с дочерью из комнаты переехали в отдельную квартиру. Но тут внезапно заболела Тамара. Тяжелая операция. Не до занятий было. А потом родилась Юленька, все завертелось вокруг второго ребенка. Владимир с головой ушел в работу. Она все глубже захватывала его, требовала все большей концентрации способностей, знаний и сил. Шла восьмая пятилетка, за которую он впоследствии получил свой первый орден Ленина.

— Вова весь в работе,— говорит Тамара Ивановна. Для нее с юношеских лет он по-прежнему так и остался Вовой.— Если он приходит домой в мрачном настроении, лицо как туча, потухший взгляд, тусклый голос, плохой аппетит, то мне ясно: что-то не ладилось сегодня. В такой день лучше к нему не приставать с расспросами и разговорами. Это и девочки наши знают: изучили его характер. Так было первого января. Бригада собиралась выдать новогодний подарок — прокат сверх плана. Но случилось так, что простояли два часа. Вова даже от праздничного пирога отказался, а я знаю, что это значит для него: он же сладкоежка у нас. Я уж молчу, сидим у телевизора, не тревожим его. Вообще-то в доме главное лицо — отец, он командир. Его распоряжение — закон. Даже Мурат, озорной кот, хозяина понимает по взгляду.

— Не сгустила ли я, однако, краски? — обеспокоилась Тамара.— Отец, муж и сын он очень заботливый, всегда навезет нам подарков, а себе — ничего. Вот это колечко с камушком в Каире купил, во время круиза по Средиземноморью. Когда я выписывалась из роддома, белые туфельки принес, в них я так и приехала домой с цветами и Юлькой.

Чем же еще можно дополнить портрет Тамары? В ее рассказе о муже и она сама. Завершу его словами Клавдии Игнатьевны, матери Орлова: «Тома никогда человека не обидит ни словом, ни де-

лом и всегда поможет. Мне лично она не просто невестка, а словно дочь родная. За нее Володе, между прочим, иногда от меня попадает. Он ведь вспыльчивый, хотя и отходит быстро».

Народная мудрость гласит: «Добрая жена — солнце в доме». А если это солнце в доме к тому же сама женственность, привлекательна и бесконечно мила? Словом, муж и жена дополняют друг друга. Как будто все получается в этой семье по Фейербаху: оба «...образуют действительного человека».

В ЦЕХЕ

Я подымаюсь на мостик возле нагревательных печей, здесь начинается стан, на котором работает Орлов. С мостика хорошо все видно. Метрах в двухстах голубеют экраны светового табло. Там стоит человек в каске, и каска на нем, как капитанская фуражка. Там рабочее место Орлова. Он то постоит, то пройдется возле чистовых клетей, то подаст руками какие-то знаки операторам. Вроде бы ничего особенного и не делает. Но как издали обманчиво это кажущееся бездействие! «Наша работа такая напряженная, что превращаешься в комок оголенных нервов. На взводе каждый мускул, каждая клеточка: мы ловим не минуты — секунды. Темп, темп, темп! Тридцать, сорок перестроек за смену»,— говорил Орлов.

Я спускаюсь по лесенке, иду вдоль стана. Мимо проносятся в клубах пара по рольгангам широкими ярко-оранжевыми молниями плоские, как ковровые дорожки, листы металла. Один за другим. Чем ближе к выходу, тем стремительнее их движение, бег, и это уже не бег, а полет, и тем тоньше, длиннее становится полоса. Иногда полосы так близко подступают друг к другу, что кажется, между ними совсем нет интервалов. Но не дай бог, если одна «молния» налетит на другую! Нетрудно себе представить, что тогда произойдет: нечто похожее на столкновение курьерских поездов.

Всеми этими сложными процессами изменения скоростей, толщины и ширины листа, чтобы он соответствовал на выходе заказу и был только по заказу — один для автомобилей, другой для тракторов, третий для станков,— управляют вальцовщики и операторы. Все они подчиняются специалисту наивысшей квалификации, виртуозу прокатного дела, старшему вальцовщику — его здесь называют уважительно «старшо́й», бригадиром — Орлову. Старшо́й должен все рассчитать, все учесть, все предвидеть, он должен знать, что делается на стане на всем его пятисотметровом протяжении, он задает ритм всему стану.

Мне хочется расспросить людей о том, что же произошло в первый день нового года, так несчастливо начавшегося для бригады, так выведшего из равновесия ее бригадира. Иду к Ивану Ивановичу Прокопову, партгрупоргу. Между прочим, он сын строителя Днепрогэса и «Запорожстали». Прокопов в свое время давал рекомендацию Орлову в партию.

— Про первое января? — Прокопов задумывается.— У меня как раз на второй клети все и случилось. Попалась плена — дефект мартеновского производства. Вроде здоровой занозы, в поперечнике с полметра. Плена поддела проводку, образовалась щель между проводкой и валками, и раскат угодил в эту щель, под стан, в канаву. Клеть остановили, вынули валки, искореженный металл надо было извлечь из канавы, а он еще красный, температура за тысячу будет. Но ждать нельзя! Никак нельзя! Орлов сам полез в канаву. У нас он такой, не считается с тем, что это не его обязанность. Газорезчик Николай Кияшко автогеном резал раскат на части, а его жена, машинист электромостового крана Женя Кияшко, вытаскивала куски. Орлов показывал, как лучше резать раскат и как его стропить.

Прокопов отдал распоряжение своему помощнику и продолжал:

— Вина была не наша, но оттого нам не легче. Простояли два часа пятнадцать минут, недодали тысячу триста тонн металла. Настроение у всех кошмарное. Металлурги суеверны, как моряки. Ну и начало нового года! Правда, Орлов, наш бригадир, такой задал стану темп, что в первую же неделю мы вышли из прорыва, не только покрыли свой долг, но и прокатали сотни тонн металла сверх плана. Вырвались вперед! К счастью, все тогда обошлось. А то ведь бывает...

— Что вы имеете в виду?

По цеху поплыл низкий гудок. Ночная кончилась. К Прокопову подошел сменщик.

— Так что бывает? — повторила я свой вопрос, когда Иван Иванович освободился.

— Авария с осложнениями. Обратили внимание на то, что у Орлова золотые зубы? Года два назад это случилось. На выходе со стана, возле холодильника, застряла уже готовая полоса. Почти готовый лист. Его надо было заправить, как говорят у нас, задать на седьмую моталку перед правильной машиной. Полосу приподняли краном, чтоб облегчить эту операцию. Орлов, конечно, находился тут. Как всегда, не стоял сложа руки, а помогал, заправлял, надев рукавицы, полосу. И вдруг полоса сорвалась с захватывающего приспособления, на котором держал ее кран. В мгновение ока, не успели мы и глазом моргнуть, она концом своим швырнула, придавила нашего старшо́го к рольгангу. Лицом вперед. Головой. Мы ринулись к полосе, оттащили конец. Левченко, оператор, рванул ручку на пульте, остановил заправку. Я побежал на медпункт... Бюллетенил бригадир, конечно. Так он лишился своих передних зубов. Хорошо, что был в каске, ограничился ожогом. Полоса-то была еще горячая, градусов триста — четыреста.

— Главное качество Орлова, драгоценная черта его — вы, журналисты, подбираете точные выражения,— самоотверженность, что ли? — говорил мне начальник цеха Виктор Петрович Богатырь.— Идет ради дела в огонь и в воду, как говорят. Не боится горячего металла, не щадит себя, не бережет. Неполадки сам ликвидирует, не ждет, пока остынет металл, бережет он людей и время. И это в наших условиях, при таких высоких скоростях проката: в секунду девять метров. Паузы между «штуками», как мы говорим, сокращает до трех — пяти секунд. Очень высокий темп. Мы ведь катаем не тонны, а километры, на минусовых допусках. Разницу видите в этом? Из одной и той же заготовки можно прокатать лист и потолще и потоньше. Годится и то и другое. Но если лист более тонок, то получается его больше, вроде как бы мы сэкономили металл. Лист с минимальной толщиной сделать намного сложнее, труднее. Для прокатчиков да и вообще в металлургии — это главная задача сейчас... Первая бригада, которой руководят начальник смены Василевич и бригадир Орлов, работает на минусовых допусках. Это главное слагаемое ее успеха, так высоко оцененного правительством. Награждены орденами и медалями двадцать человек, почти половина бригады, а сам Орлов, как вы знаете, стал Героем Социалистического Труда.

Закончился сменно-встречный рапорт. Сейчас бригада пойдет принимать душ, переодеваться, будет отдыхать, отсыпаться.

— Как работалось ночью? — спрашиваю Орлова.

— Неважно. Плохо поступал металл со слябинга, с перебоями.

Зная его беспокойный характер, предполагаю, что стоит за этой фразой: взбудоражил, вероятно, и поставщиков и начальство, не постеснялся сказать правду в глаза, хотя это и мало кому может нравиться. Такой же требовательный он и к членам бригады.

— Не люблю тихонь. Сам мямлей не был никогда и в других этого не понимаю. Вот есть у нас один парень, после техникума пришел. Готовлю его на старшего вальцовщика. (Молодых Орлов все время растит, поддерживает, выдвигает.— **Г. К.**) Сколько в нем трудолюбия и добросовестности! Хватило бы на двоих! Но робок, застенчив. Никогда «не покажет зубы». Не решается подсказать рядом стоящему, если видит у него непорядок. А меня это бесит. Как так можно? Идет вот, например, полоса. Подхожу, спрашиваю, как дела. «Толщина — норма, проверил». Но я вижу, начинается волнистость, это плохо. Нетоварный вид у листа. «А волнистость?» — еле сдерживая себя, спрашиваю у него. А он по-прежнему спокойненько: «Ага, хорошо, исправим...» «Слушай, Витя,— говорю я,— ты в войну играл когда-нибудь? В солдатики? Или хоть в зоопарк играл? Рыкнуть можешь? «Ура» кричал? Есть у тебя голос?» Считаю, должна быть у нас рабочая злость! С нее начинается настоящий рабочий характер, когда человек действительно болеет за дело. Надо уметь требовать, но не в просительной форме! Рабочая гордость должна быть у каждого из нас! Таким же тихоней был и Кузьминов, друг мой. А теперь — соперник, соревнуемся. Слово у него невозможно было выдавить. Посмотрели бы вы на него сейчас — орел! Возглавляет такую же, как я, бригаду в другой смене. Сформировался у него характер!

«Человеку со спокойным характером в таком горячем деле, как наше, работать нельзя. Сам он вспыхнет и других зажжет. И вся бригада идет за ним!..» Это снова партгрупорг Иван Иванович Прокопов. О нем. Об Орлове. Об одержимом, которому ведома «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть»!

НА КОНФЕРЕНЦИИ

Третья моя встреча с Орловым, на сей раз не предусмотренная, состоялась в Драматическом театре имени Щорса. В субботу там проходила городская партийная конференция, а он был ее делегатом. И снова я не узнала его. Он стоял в фойе спиной ко мне и разговаривал с директором «Запорожстали» Героем Социалистического Труда Львом Дмитриевичем Юпко. Просто я обратила внимание на статного человека в темносером костюме. И потом уже, когда, обойдя, взглянула сбоку, узнала Орлова и тут же вспомнила разговор свой с Богдановым. Богданов — инженер титано-магниевого комбината, избран там заместителем секретаря парткома. В прошлом году был опубликован мой очерк в «Огоньке», в котором рассказывалось о том, как Богданов работал в США, в Техасе. С той поры мы большие друзья. Когда он узнал, что я в Запорожье, поинтересовался, по какому поводу, и, услыхав фамилию Орлова, воскликнул:

— Постойте, постойте! Так я же его знаю! Не то что с ним лично знаком, но видел его. Да, да, вспомнил, где. В городском парке. В День металлурга. Был митинг, вручали переходящие знамена, и он выступал. Мы, цветники, обратили на него внимание. Обменивались мнениями по его адресу. Хорошо он очень говорит — свободно, легко. Голос сильный, звучный,— словом, оратор.

Рассказывали мне и о том большом впечатлении, какое произвело выступление Орлова на пленуме областного комитета партии. Орлов — член Запорожского обкома КПУ. Вопрос стоял об идейно-политическом воспитании и творческом росте молодых рабочих и специалистов — тема, особенно близкая и, если можно так выразиться, любимая Орловым.

Меня заинтересовала «лаборатория» того выступления. Как к нему готовился Орлов? Не может же быть, чтобы не готовился. Трибуна была ответственная. Владимир Александрович показал мне наброски, да, на сей раз он план набросал, волновался. На полях много пометок и добавлений. Кстати, каждое свое выступление он вынашивает заранее, занимается этим увлеченно, с интересом, не считается со временем.

Что же касается конкретной темы, то она действительно близка ему. Главная его тема. Источники, которые ее питают, неисчерпаемы: сама жизнь его бригады, соседних бригад, всей смены, секретарем первичной партийной организации которой он был долгое время. В наши дни, когда происходит стремительное омоложение рабочего класса и не менее стремительный рост его общеобразовательного уровня, вопросы воспитания, как правильно считает Орлов, требуют иных критериев и иного подхода. И его выступления о воспитательной работе неголословны. Вспомнить хотя бы тех же самых рабочих, о которых он мне рассказывал. С Кузьминовым была к тому же еще такая история. Поступил Николай на вечернее отделение института. Туго пришлось ему, особенно первые два курса. Заедали расчеты и чертежи. Недосыпал. А вальцовщику недоспать — все равно что прийти к стану больным, с температурой. А если отоспаться, не сделаешь лабораторную работу. Попадало ему и тут и там. Ругали в цехе, ругали преподаватели на семинарах А дома семья, маленькие дети... В один из таких дней, когда нервы были накалены, он сдался: «Все. С вузом кончено. Больше не пойду». Кто же поддержал его в такую трудную минуту душевной слабости? Он — Орлов! «А ну, брось паниковать! Разнюнился. Два года тянул, теперь хочешь их перечеркнуть? Давай разберемся...»

Я искала Кузьминова, хотела с ним поговорить — не нашла. В цехе его не оказалось, в отпуске, пишет диплом. Скоро «защищаться» будет. Дома его тоже дважды не застала: в библиотеке, в институте. Но в институте искать не решилась. Зачем отрывать человека в такие горячие дни? Да и так все ясно. Кстати, награжден Кузьминов в один с Орловым день, 5 января 1974 года, награжден орденом «Знак Почета», как бывший член его бригады.

Второй пример. Есть в бригаде рабочий Н. Фамилию его называть не буду. Теперь это ни к чему. Другим он стал человеком. А было так. Поссорился с женой. Дело дошло до развода. С горя напился. Попал в вытрезвитель. Очнувшись,

ужаснулся тому, что натворил,— и молчок. Но эхо-то было! Орлов не поверил своим глазам, когда пришла бумажка: чтоб у них, в бригаде коммунистического труда, да такое? Состоялся разговор. «При чем тут бригада?— удивился виновник.— Это только меня касается. Я сделал, я и отвечаю за себя». «Э, да ты, оказывается, совсем еще серенький,— горестно покачал головой бригадир.— Хорошо же, поговорим с тобой на бригадном собрании». Мера эта оказалась куда более действенной, чем вытрезвитель, потому что человека словно подменили. Работает и сейчас. Хорошо работает.

Недавно коммунисты цеха избрали Владимира Александровича председателем комиссии по качеству. Производственные вопросы, особенно связанные с усовершенствованием техники,— вторая его забота. В Москве я слушала Орлова на одном заседании, на котором присутствовал министр черной металлургии СССР И. П. Казанец. Орлов обратился к министру, сидевшему в президиуме, назвал старые, требующие замены и модернизации узлы, сдерживающие увеличение производительности прокатных станов. Стан «1680», на котором он работает, ветеран, еще довоенного выпуска,— ему примерно столько же лет, сколько самому Орлову — и с длинной историей: был эвакуирован на Урал, потом снова вернулся в Запорожье. Стан практически достиг «потолка». Необходима его реконструкция, и пусть министр об этом знает.

Собственно, читателю уже почти все известно о жизни Орлова в цехе и за пределами завода. Дополню рассказ о нем лишь такой справкой: он член Всесоюзного общества «Знание». Начитанность и широкий кругозор позволяют ему бывать в самой разнообразной аудитории: встречаться с рабочими на агитплощадках и в красных уголках, с творческой интеллигенцией в клубах и лекториях, выступать по радио и телевидению.

Совсем уже на днях, когда очерк был набран, газеты сообщили: металлурги Запорожья выдвинули Владимира Александровича кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Я назвала третью свою встречу с Орловым условно: «На конференции». Равным образом она могла бы произойти в парткоме завода, во Дворце культуры, в библиотеке, просто в театре. Завершая его портрет, в качестве эпиграфа к нему хочу привести высказывание Менделеева: «Человек тем более совершенен, чем более он полезен для широкого круга интересов общественных...»

Разумеется, Менделеев не имел, не мог иметь в виду рабочего, трудящегося человека. Примечательно, что слова великого ученого как нельзя более соответствуют яркому облику рабочего наших дней, закономерно перешагнувшего грань между умственным и физическим трудом.

Об Иване Бабушкине, революционере, герое русской революции, Ленин говорил «рабочий-передовик». Люди, подобные ему, вырабатывали «из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». Семьдесят лет назад таких рабочих было немного. Сегодня интеллигентных рабочих миллионы. Такие люди есть на всех советских заводах. Далеко видел Ильич!

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

ТАШКЕНТ

ЧТОБЫ ПЛОВ БЫЛ ВКУСНЫМ

Изжелта-темны весной необозримые хлопковые поля Узбекистана. А вот овощеводческие уже играют всеми оттенками зелени — от сизоватой капустной до густо-изумрудной картофельной.

На обочинах полей, что ни утро, словно груды камней-самоцветов, поднимаются все новые и новые горки даров узбекской земли — пурпурные и белые, ярко-красные и оранжевые, дымчато-бирюзовые. Это редис, морковь, капуста.

Только с полей совхоза «Карасу», Ташкентской области, ежедневно отправляются в города и рабочие поселки десятки автомашин с овощами. Выведенный здесь сорт ранней капусты дает урожай по 30 центнеров с гектара. Хорошо родит особая, «желтая», морковь, без которой популярное блюдо плов не плов. Овощеводы совхоза еще осенью минувшего года посадили в одну борозду картофель и редис. Редис заалел на обеденных столах горожан, сорт этот называют по-праздничному — «Первомайский».

В. КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»

На снимке: бригадир овощеводов совхоза «Карасу» Абдурахим Шерматов.

Фото Кучкара Разыкова.

НОВОСИБИРСК

КРУПНЕЙШАЯ В РОССИИ

Возле кабинета логопеда собрались маленькие пациенты. Кому-то из них никак не удавалось выговорить коварное «р», у других было легкое заикание. Матери с тревогой и надеждой смотрели на врача: что-то он скажет.

За окнами в розовом утреннем тумане все отчетливее проступали светлые корпуса больницы. В этот час первый посетитель перешагнул порог водогрязелечебницы. Началась и операция на открытом сердце в экспериментальной лаборатории — пациентом был рыжий пес по кличке Шарик, операция прошла успешно. Врачи отправились на традиционный утренний обход палат, в которых лежали первые 650 больных. Открылись двери неврологического, стоматологического, ревмокардиологического, нейрохирургического, аллергологического, иглотерапии и других кабинетов. И в тот же час подъемный кран подал бригаде каменщиков первый в то утро контейнер с кирпичом на стены еще одного корпуса больницы...

Так начался обычный день в новой Новосибирской областной больнице, самой крупной не только в городе, не только в Сибири, но и крупнейшей в РСФСР. Больница уже действует, но, как вы поняли, еще продолжает строиться. Весь комплекс сооружений займет площадь в двадцать гектаров. Здания больницы на две с лишним тысячи коек связываются между собой подземными переходами. Светлые, просторные одно- двух- и трехместные палаты позволят каждому больному прямо на месте принять максимальное количество процедур. Скоро строители сдадут зал лечебной физкультуры с велотреком и бассейном.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора.

На снимке: в кабинете логопеда.

ПУЛКОВО

БЕЗ ЗВЕЗД НЕ ОБОЙТИСЬ

Почти полвека ведет наблюдения за звездами пулковский астроном, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР Николай Никифорович Павлов.

— По положению звезд на небе, — рассказывает он, — пастухи издревле невооруженным глазом определяли время. Так поступают и современные астрономы, только они применяют для этого сложную технику.

Может возникнуть вопрос: кому, собственно, нужны относительно высокие точности измерения времени? В первую очередь геодезистам и картографам. Чтобы облегчить поиски полезных ископаемых, в тридцатых годах нашего столетия была организована гравиметрическая съемка всей территории СССР. Для успешного проведения этой съемки потребовалась точность измерения времени в несколько тысячных секунды. В связи с этим в СССР возникли новые контрольные службы времени: в Москве, Харькове, Ташкенте, Николаеве. Теперь контрольных служб времени у нас двенадцать, а во всем мире — более сорока. Велась большая работа по повышению точности определения и хранения времени: изобретены новые инструменты, разработан фотоэлектрический метод регистрации прохождения звезд через меридиан.

Точность астрономических определений времени была увеличена в несколько раз. И, если так можно выразиться, намного улучшились условия хранения времени. Усовершенствована конструкция маятниковых часов. Изобретены и построены принципиально новые часы: кварцевые, где хранителем времени служат колебания кварцевой пластинки; атомные и молекулярные, где используются высокостабильные колебания, происходящие в атомах и молекулах. Особенно большое, поистине революционное значение имело изобретение атомных часов. С их помощью достижимая точность измерения времени на много порядков превзошла все то, что было получено ранее.

Наконец, было утверждено новое определение единицы времени — «атомная секунда». Все правильно: в атомный век и точность времени должна быть атомной! Однако еще раз хочется отметить: без звезд не обойтись!

К. ЧЕРЕВКОВ, собкор «Огонька»

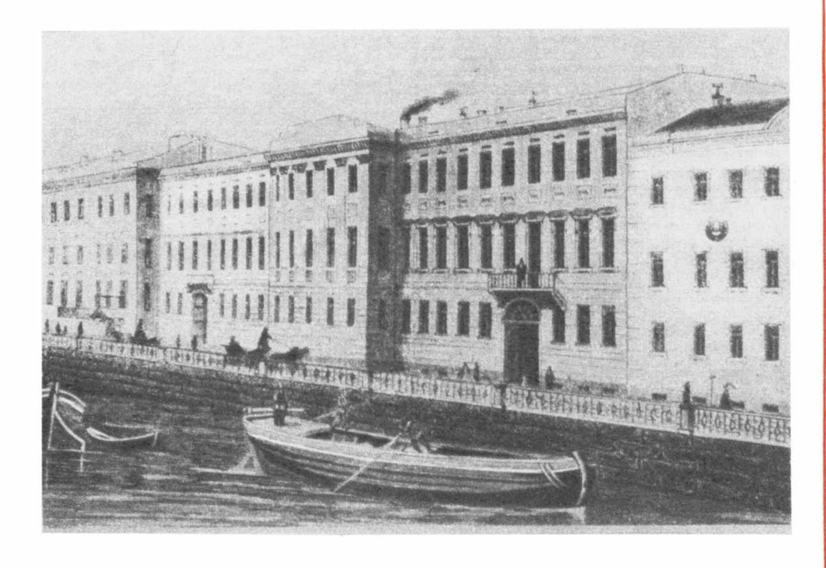
На снимке: профессор Н. Н. Павлов в павильоне Службы времени.

Фото Н. Ананьева.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

В ЭТОМ ДОМЕ 29 ЯНВАРЯ 1837 ГОДА...

История появления памятной мраморной доски на фасаде дома, в котором скончался Пушкин, забыта. Даже в путеводители попала неверная дата (принято считать, что мемориальная доска была установлена здесь в январе 1887 года — в день пятидесятилетней годовщины со дня гибели поэта). На самом деле она была водружена раньше, в 1880 году, и не по воле официальных кругов, а под давлением общественного мнения.

Весной 1880 года в Москве шла энергичная подготовка к Пушкинскому празднику, приуроченному ко дню открытия памятника поэту. Предстоящее открытие первого в России памятника Пушкину стало событием общенационального масштаба.

Огромный интерес к нему проявляла интеллигенция столицы. Петербургские газеты чуть ли не ежедневно печатали статьи о Пушкине, новые страницы воспоминаний о нем, сообщения о подготовке празднества в Москве, о ходе работ на Тверском бульваре, о материалах, поступивших на Пушкинскую выставку. В мае 1880 года вышли в свет первые тома собрания сочинений Пушкина, подготовленного к изданию П. А. Ефремовым. Сотни петербуржцев собирались выехать в Москву, чтобы присутствовать на церемонии открытия памятника и на вечерах, организованных «Обществом любителей российской словесности», где ожидались выступления Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Н. Островского. В связи с этим Николаевская железная дорога даже объявила заблаговременно, что накануне Пушкинского праздника для желающих поехать в Москву будет отправлен особый экстренный поезд.

Но официальный Петербург держался от всего этого в стороне.

Петербургская городская дума, обсудив на одном из своих заседаний вопрос об участии в Пушкинском празднике, ограничилась тем, что постановила направить для присутствия при открытии памятника депутацию из трех человек.

16 мая газеты сообщили о том, что Московская городская дума постановила поместить мраморную доску на доме, в котором родился Пушкин.

18 мая большая статья о современных делах в газете «Молва» открылась рубрикой «Москва и Петербург в отношении к пушкинскому юбилею», в которой обозреватель газеты отмечал, что Петербург, в сущности, ничего не сделал для увековечения памяти поэта. «Молва» обвиняла городские власти Петербурга в том, что они казенно-официально и по-чиновничьи равнодушно отнеслись к Пушкинскому празднику.

19 мая в газете «Голос» появилось письмо профессора Александровского лицея В. В. Никольского. Профессор писал, обращаясь ко всем, кому дорога память о Пушкине: «Милостивые государи! В настоящую минуту, когда возбужден горячий интерес ко всему, что касается Пушкина, когда Москва вспоминает день его рождения и отыскивает дом, в котором он родился, позвольте через посредство вашей газеты напомнить Петербургу, что у него есть свои места, более печальные по характеру, но не менее важные по отношению к памяти поэта. Москва видела рождение поэта, Петербургу пришлось провожать его в преждевременную могилу. Дом, где умер Пушкин, известен, конечно, не всем. А между тем этот дом был свидетелем не только последних дней Пушкина, но и того глубокого сочувствия поэту, которое в эти дни проявило петербургское население. Этот дом — памятник, надо, чтоб он и в самом деле был памятником»... «Ничего не стоило бы городу поставить на этом доме доску, указывающую его историческое значение...»

Выступление профессора Никольского горячо поддержала газета «Молва»: 20 мая она полностью перепечатала его письмо, сопроводив его обращением к городской думе, которая до сих пор «не позаботилась даже принять на себя какой-нибудь почин в этом деле». В этом же номере «Молвы» было опубликовано сообщение о предложении Висковатова учредить в Петербурге народную школу имени Пушкина с образцово поставленным преподаванием, которая могла бы служить примером для всех провинциальных городов.

Вот почему 21 мая на очередном заседании городской думы был вновь поставлен на обсуждение вопрос об увековечении памяти Пушкина в Петербурге. Тогда-то городская дума и приняла решение установить «на доме, где скончался Пушкин... мраморную доску с надписью об историческом значении этого дома». На этом же заседании было принято постановление об учреждении на средства города двух начальных училищ в память Пушкина и о наименовании только что проложенной улицы Пушкинскою.

Так, под нажимом общественного мнения в канун Пушкинского праздника дом, в котором скончался поэт, впервые официально был признан местом историческим. Мраморная доска на фасаде дома на Мойке стала первым в Петербурге материальным знаком памяти о Пушкине.

С. АБРАМОВИЧ,
старший научный сотрудник
Всесоюзного музея
А. С. Пушкина

ОН БЕССМЕРТЕН

Рисунок Нади Рушевой.

В комнату со двора светит фонарь, окно в широком обрамлении дикого винограда. Это наш старый дом, одноэтажный, бревенчатый, окруженный сиренью, тополями в два обхвата и кленами. Там в мое детство вошел Пушкин.

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна...

«Сказку о мертвой царевне» я знала наизусть, она стала первым в моей жизни романом, по образу которого я начала сочинять волшебные истории, а также первой пьесой, которую мы разыгрывали с подругами.

К Пушкину приходишь не однажды. Как жизнь открывается человеку постепенно, так и творчество поэта постепенно расширяется и углубляется.

В двенадцать лет — первое знакомство с «Евгением Онегиным». Сценки, зарисовки нравов были мне видны отчетливо, а Онегин, Татьяна, Ленский — словно в дымке, под завесой непонимания.

Второй «Онегин» в 15 лет. Собственное сердце уже живет, «горит и любит», хочет любить,— иногда получается, иногда нет... Залпом читаешь, не раз возвращаясь к особенно поразившим строкам. «И как огнем обожжена, остановилася она...». Как угадал поэт мои чувства, когда вдруг увидишь «его» — и сердце оборвется...

Взрослеешь — и приходят «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Борис Годунов».

А Пушкин — рядом. Но уже не себя видишь в пушкинских строках, а его самого, человека-творца. Сочувствуешь ему в его горестной судьбе, изумляешься силе духа, нравственной высоте поэта, сумевшего в мрачную николаевскую эпоху отстоять свою творческую свободу, сохранить человеческое достоинство.

О Пушкине можно говорить бесконечно. Я помню, как в квартире Пушкина на Мойке плакали женщины, когда молодая девушка-экскурсовод тихо рассказывала о последних днях Пушкина. Как живого, любят Пушкина, плачут о нем, как об умершем друге.

Люди читают Пушкина и чувствуют его своим современником, потому что его поэзия сердечно-правдива, мужественна и горда, потому что он сам — человек исключительный, ошибающийся, безжалостно казнящий себя, просветленно-печальный, верующий в торжество свободы и поэзии.

Он принадлежит жизни, он бессмертен — наш Пушкин.

Лена ВАСИЛЬЕВА, 764-я школа,
г. Москва

КНИГА — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

КЛУБ ОГОНЁК КЛУБ КЛУБ КЛУБ

Рассказу о книжной торговле, о ее проблемах и заботах было посвящено очередное заседание клуба «На «Огонек». К нам пришли заслуженный работник культуры РСФСР, директор «Москниги» С. Е. Поливановский, директор коллектора массовых библиотек Я. И. Арест, один из старейших букинистов Москвы Л. А. Глезер, директор «Пушкинской лавки» З. И. Константинова, сотрудники этого же магазина Ю. А. Петрова, Н. М. Неволина, О. А. Иноземцева.

Слово предоставляется Сергею Ерофеевичу Поливановскому, директору «Москниги»:

— Мы находимся в преддверии значительного события — в нынешнем году должен состояться учредительный съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. «Москнига», которой исполняется пятьдесят лет, подходит к нему с показательными результатами. Мы подсчитали: за полвека москвичам продано более трех с половиной миллиардов книг. Годовая «порция» — сто миллионов. Из типографий выходят миллионы экземпляров новых книг! И все же спрос на них куда больший, чем предложение. В среднем в наши магазины ежедневно приходят около трехсот восьмидесяти тысяч человек, а уходят без покупок сто восемьдесят тысяч. Продавцы виноваты? Нет! Мало, мало нужных изданий... Конечно, наша страна не имеет себе равных по числу читателей. И тем не менее мы с полным основанием говорим: еще мало поступает хорошей, нужной литературы на прилавок. Да и количество прилавков должно расти. Сейчас мы активно занимаемся расширением сети магазинов. Второй этаж получила «Педагогическая книга», отличное помещение в доме-новостройке на Большой Полянке занял магазин молодежных изданий. На улице Обуха предполагается открыть Дом букинистической книги, появятся районные дома книги. Нужен и общегородской такой дом; существующий на проспекте Калинина уже мал для москвичей. По стране в целом в обращении находится триста двадцать — триста пятьдесят тысяч названий. Так вот, пусть все они будут представлены в столичном Дворце книги.

Я уже упомянул отличный магазин на Большой Полянке «Молодая гвардия». Там я встретил двух раздосадованных мальчишек. Спрашиваю: «Чем огорчены?» Оказывается, бабушка обещала им купить фотоаппарат, но при условии, если они научатся фотографировать, а для этого нужно пособие, которого, увы, в магазинах нет. Едва нашелся учебник фотодела у букинистов.

Главной фигурой, которая определяет обстановку в магазине, создает там атмосферу доброжелательства, является продавец. От уровня его профессиональной квалификации, широты кругозора, эрудиции, от доброго слова и приветливой улыбки зависит, придет или не придет в магазин покупатель во второй, пятый, десятый раз.

В «Москниге» трудятся пять тысяч человек. И среди них немало хороших работников. Я назову лишь некоторых из них: это старшие продавцы Л. И. Русинова, Л. В. Долгова, В. И. Кузнецова, А. С. Романов, К. Н. Аблисимова, это киоскер магазина № 50 В. А. Смыслова и многие их товарищи по работе.

Профессия книготорговца давняя и почетная. Она зародилась еще в ту пору, когда продавали рукописные свитки. Книготорговец всегда был в первых рядах просветителей, чутко реагировал на добро и зло, знал, по какую сторону баррикад ему следует находиться. Когда хоронили Н. Э. Баумана, многие московские книжные магазины были закрыты: люди, стоявшие за прилавками, пошли хоронить бесстрашного революционера.

Сейчас иногда слышим суждения о том, что, дескать, наступает «закат книги»: радио, телевидение оперативнее, доступнее, более доходчивы. Это, конечно, неверно. Всегда у человека была, есть и будет потребность в хорошей литературе. Не найдено еще эквивалента печатному слову, к которому можно обратиться в любую минуту — и в радостную и в горькую. Нет большего удовольствия, чем читать и перечитывать произведения любимого автора.

Любимого автора!.. А ведь как часто эту любовь к тому или иному автору прививает человек, стоящий за прилавком книжного магазина. Это люди очень своеобразной профессии. Есть среди них такие, которые помнят не менее ста тысяч названий книг.

На московских заводах работают двести сорок народных магазинов, где инженеры, рабочие, конструкторы на общественных началах распространяют литературные издания. На одном предприятии проводили вечер книголюбов. Я поинтересовался, у кого в семье свыше тысячи томов. Более половины сидящих в зале подняли руку.

У нас в стране 360 тысяч библиотек. Вряд ли кто из читателей задумывался: а как они комплектуются? Таких организаций, как библиотечные коллекторы, нет в других странах. У нас 153 коллектора, это, по существу, 153 организационных и методических центра по комплектованию библиотек.

В Москве работает три библиотечных коллектора. На Сретенке, 8,— одна из старейших таких организаций. Здесь комплектуются три тысячи библиотек — Москвы и Московской области.

Директор коллектора массовых библиотек «Москниги» Я. И. Арест рассказал:

— Специально проведенные исследования и повседневная наша практика показали, что увеличился спрос на документальную литературу, на литературу факта. Велик спрос на общеполитические издания, на книги по социологии, экономике, истории, а также на научно-популярную и научно-атеистическую литературу, на книги по искусству. И все это мы должны учитывать и при заказах и в пропаганде книги. Велик интерес к истории нашей страны. Многотомное издание о второй мировой войне — одно из популярных. Читатели проявляют большой интерес к мемуарной литературе, к книгам «Политиздата».

Директор коллектора рассказал о новых сериях «Политиздата», издательств «Мысль», «Московский рабочий» и других.

В мир букинистов, коллекционеров ввел слушателей товаровед магазина «Пушкинская лавка» Л. А. Глезер:

— Я застал еще старых коллекционеров — знатоков букинистической книги. Это был народ особого склада. Но то единицы. А сейчас литературой, самой разной, интересуются все. Среди книголюбов — и рабочие, и колхозники, и учителя, и ученые.

Сейчас в моде коллекционирование. Но без книги оно невозможно, бессмысленно, во всяком случае, ненаучно. Чтобы собирать, скажем, марки, надо обратиться к географии, истории. Но особый вид собирательства — сама литература. В Москве живет Н. И. Суровежин. Он собирает издания «Конька-Горбунка». Собрал почти все. Нет у него только двух. Есть собиратели мини-книг, некоторые из них меньше спичечного коробка.

Попадаются нам и загадочные издания. Вот одно из них. Написано: «За богом молитва, а за царем служба не пропадает. Рассказы отставного солдата. Издание третье, Москва». Вполне верноподданическая книжка! И на обороте: «Дозволено цензурой». Но все это камуфляж. И год, и название, и «дозволено цензурой» — все камуфляж. Писалась эта книга в Женеве в 1874—1875 годах. Автор ее до сих пор неизвестен. И текст в ней далеко не безобидный для самодержавного строя. А все оформление — это конспирация, которая позволяла провозить книги в Россию и распространять их.

В работе нашей много интересного и увлекательного. Но случаются и казусы. Недавно ко мне обратилась пожилая женщина. «Что это,— говорит,— у вас в магазине транжиры работают? Я принесла сдавать книжку, а мне за нее сто пятьдесят рублей выписали. Да разве может книга таких денег стоить?..» И была удивлена, что никакой ошибки не произошло. Старинное, редкое издание — большая ценность. Случается, что его вообще оценить нельзя, как говорится, нет ему цены. Мы стремимся, чтобы редкая, уникальная книга, которую принесли в наш магазин, попала не в частную коллекцию, а в библиотечное собрание, в научно-исследовательский институт, в университет...

Гости «Огонька»: Я. И. Арест, Л. А. Глезер, З. И. Константинова, С. Е. Поливановский, Ю. А. Петрова, Н. М. Неволина, О. А. Иноземцева.

Фото М. Савина.

Сергей БАРУЗДИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

РАССКАЗЫ

СМЕЛЫЙ ПОРОСЕНОК

Эту историю услыхал я в Латвии, в небольшом поселке. Один рыбак решил купить поросенка. Узнал, что в соседнем поселке, за рекой Даугавой, у другого рыбака свинья опоросилась и есть у него лишние поросята. Месяцев трех от роду.

Сел рыбак в лодку, переплыл широкую в этих местах Даугаву, нашел нужного человека.

— Говорят, лишние поросята у тебя есть? — спрашивает.

— Есть.

— Продашь?

— А что ж не продать? Много ли нужно?

— Да мне одного...

— А-а! — сказал хозяин поросят. — Тогда иди сам выбирай. Вон их у меня сколько, одиннадцать штук!

— А дорого?

— Да какой дорого! Почти бесплатно отдам. Двадцать рублей — чепуха. Что мне, свиноферму содержать! Я все же рыбак, а не свинопас...

Пошли в сарай, отобрал рыбак самого шустрого поросенка, расплатился и стал собираться в обратный путь.

Поросенок, бодрый, розовый, с пятачком, похожим на медаль, повизжал-попищал, пока его от собратьев отняли и в мешок сунули, а потом успокоился.

Принес рыбак мешок с поросенком к реке, положил в лодку, переплыл Даугаву.

Дома выпустил поросенка. В специальный загончик с оградой. Заранее построил.

Поросенок похрюкал, понюхал, обошел свое новое жилье из края в край, от угла до угла, даже поел и всем очень понравился. Самому рыбаку, что привез его, а еще важнее — жене его и трем девочкам — дочкам. Они весь этот день только и возились вокруг поросенка, и ласкали его, и кормили, и хвалили хозяина дома:

— Ну и молодец ты! Достал то, что надо!

День был свободный, воскресный, а наутро, в понедельник, все разошлись по своим делам: рыбак — в море, жена рыбака — в детский сад, она там воспитательница, а дочки — в школу. Все посмотрели на поросенка, кто-то еду ему дал, кто-то ушки и бока почесал, и разошлись...

Днем первыми вернулись дочки. Вернулись все три, но только одна заметила:

— А где поросенок?

Поросенка в загончике не было.

— Где ему быть? — сказала вторая.

— Найдется! — сказала третья. — Куда он денется?

Потом мама пришла, удивилась:

— Где он?

Отец пришел позже всех, искал поросенка всюду, весь поселок обегал, не нашел.

— Украли, — сказала мама.

— Если украли, это очень плохо, — сказал отец. — У нас такого никогда не было!

И наутро и на следующее утро поросенка так и не нашли.

Через два дня кто-то постучал в дом рыбака. Вместе со стуком поросячье хрюканье послышалось.

Открыли дверь: стоит хозяин поросенка, а в руках у него знакомый поросенок.

— Простите, извините, он назад вернулся...

— Как так — вернулся? Ведь река...

— Переплыл, значит, и домой пришел. Я уж из своих одиннадцати пятерых продал, никто не вернулся, а этот вернулся, смотрю, трется рядом с оставшимися поросятами, сразу узнал. Вы уж его возьмите да закройте покрепче.

Они еще долго говорили. Один удивлялся и другой удивлялся. Ведь как-никак Даугава — большая река. В этих местах метров двести, не меньше. Один рыбак советовал другому, как лучше загончик для поросенка оградить, другой — приглашал за стол. Так, впрочем, и случилось. Посидели за столом, и не один час. Даже какую-то интересную передачу по телевизору посмотрели.

Расстались настоящими — на всю жизнь! — друзьями.

Загончик укрепили, поросенка поласкали каждый по-своему, а когда шли к реке, даже расцеловались:

— Прощай, приятель!

— Счастья тебе, друг!

Еще три дня поросенок был на месте. Даже заметно вырос. Кормили его лучше, чем родного сына — если бы, конечно, был сын в доме рыбака, а так — три девочки.

А на четвертый день поросенка опять не стало.

Обошел рыбак поросячий загончик, обнаружил в одном месте подкоп, все понял и искать поросенка не пошел.

Пошел к жене.

— Дай десять рублей, — говорит. — Я поеду... Человек страдает, совестно ему, что такого стервозного поросенка нам продал. Надо его успокоить, а поросенка я больше не возьму.

Переехал рыбак Даугаву. Поросенок только хрюкнул, увидав его.

Посидели они с хозяином поросенка час или два за столом. Долго удивлялись, как это поросенок — «смелый он парень!» — второй раз широкую Даугаву переплыл, а потом забыли о поросенке и просто говорили о том, что теперь они лучшие друзья и надо чаще приезжать друг к другу в гости. Уж не так далеко это для людей, если для поросенка близко.

ЗАЙЧИК

Зайчик — обычная русская лошадка, шоколадного цвета, с гривой и хвостом, совсем светлыми.

На вид Зайчик совсем молод, но я думаю, что коню лет под двадцать, не меньше. Пятнадцать лет я его знаю, а когда увидел впервые, он уже не был жеребенком, а работал по-взрослому, всерьез. И возчиков у него за это время сменилось немало...

Летом — с телегой, зимой — с санями Зайчик вывозит мусор и всякий хлам оттуда, куда никакая машина не проберется, и подвозит к любому дому, как бы ни оброс он лесом или садом, аккуратно, не задев ни кустика, не наступив даже на грядку клубники, все, что нужно. Летом в короткие ночи отдыха Зайчик пасется на Неясной поляне, как назвал ее один хороший писатель и человек, живущий по соседству.

Бурное развитие техники и особенно автомобилей вовсе не смущает Зайчика. Он уступает дорогу любой машине, даже ушами не вздрогнув, а о собственной судьбе не беспокоится. Все равно он ежедневно делает то, что никакая машина не сделает, подъедет туда, куда и «Запорожец» не пробьется, и вообще жизнь у него налажена, отработана, и ничем его не удивишь.

Поселок наш большой. Живут в нем, как и всюду, разные люди, и ничем, пожалуй, он не отличается от других мест, кроме разве того, что стоит посреди поселка очень древняя церковь, куда по праздникам съезжаются старые люди и иностранцы. Почему иностранцы, живущие в Москве, выбрали именно эту церковь, неизвестно, но в субботу и воскресенье, а иногда и в другие дни машины разных марок с белыми дипломатическими номерами мчатся мимо нас к игрушечной церквушке.

И Зайчик, наверное, не раз видел эти машины, как и все мы, а может, даже чаще, поскольку он каждый день при деле, на работе.

В один из субботних дней Зайчик со своим возчиком дядей Колей возвращался порожняком после какого-то очередного рейса. Позади гремели колокола на церкви, погода была отличная — малый морозец, и дорога не скользкая. Сани шли хорошо. Так что Зайчик даже трусил рысцой.

На повороте почти у магазина Зайчик да и дядя Коля увидели большую черную машину, перегородившую дорогу.

Не знаю, сообразил ли Зайчик, но дядя Коля точно определил: «Мерседес супер». Номер белый — дипломатический.

У машины стояли двое мужчин и женщина. Увидев лошадь, они все вдруг обрадованно бросились к Зайчику и к дяде Коле и наперебой стали что-то говорить на ломаном русском языке.

Зайчик безразлично смотрел на шикарную машину и галдящих людей, а возчик дядя Коля, степенно сойдя с саней, пытался разобраться, в чем дело. Явно машина забарахлила, но при чем тут он? Лошадь машине не помощница!

Наконец понял:

«Иностранцы торопятся в церковь, служба уже началась, а тут что-то с машиной случилось. Видимо, виноват русский мороз. Так пусть, дескать, он, дядя Коля, довезет их до церкви на русских санях. И потом они плохо одеты, чтобы идти пешком. Хо-

О ЖИВОТНЫХ

лодно. За любые деньги пусть довезет! Они умоляют! А машина пусть здесь постоит, потом...»

— Что ж, садитесь, това..., господа,— поправился дядя Коля.— Денег мне никаких не нужно, а так довезу, сделайте одолжение!

Он развернул Зайчика с санями, встряхнул сено на них и пригласил иностранцев:

— Комм! Комм!

В годы войны дядя Коля дошел до Германии и хорошо помнил это немецкое слово, которое всегда значило: «Мол, давай! Торопись! Быстренько!»

Иностранцы обрадовались, обежали Зайчика, и даже похлопали его по морде, и завалились в сани.

«Словно на свадьбу едут, а не в церковь»,— удивился про себя дядя Коля, но, конечно, промолчал и дернул вожжи:

— А ну, Зайчик! Давай!

Зайчик чуть повернул морду назад, встряхнул гривой и не двинулся с места.

— Ты что? Мил-лая!

Зайчик опять взглянул не столько на дядю Колю, сколько на иностранцев, и продолжал стоять.

— Извините, господа-товарищи, но ничего не выйдет,— виновато сказал дядя Коля.— Я бы с великим удовольствием, но лошадка вас не повезет...

— Как? Почему? Что случилось? — зашумели иностранцы...

— Да ничего не случилось, вы не обижайтесь,— сказал дядя Коля.— Как бы вам это яснее объяснить? Не любит наш Зайчик, то есть лошадь эта, запаха спиртного. Алкоголя, значит. А от вас, извините, попахивает. У Зайчика на этот счет тонкий нюх. Он и раньше с тем, кто чуть выпивши, ни шага не сделает. Трех возчиков ему сменили. Я-то вот непьющий, а от вас... Не пойдет он! Так что уж не обессудьте!..

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПЕЧКА

Зима в тот год выдалась такая суровая, какой в Подмосковье давно никто не помнил. То дожди в декабре и даже в январе, а тут прихватил мороз, как в Якутии: день — за тридцать и второй — под тридцать, и опять — за тридцать.

Если бы не собака, с которой хочешь не хочешь надо гулять, я бы и на улицу не вылезал в такие дни. На даче тепло — дрова, печка! А на улице — борода к усам примерзает.

Но что делать — приходится.

Гуляем мы с собакой реже обычного, она на меня смотрит — мерзну ли я? А сама тоже мерзнет. И скорей — назад, и дома уже долго слизывает ледышки с подушечек ног — очень уж они ей неприятны!

На улице никого. Люди за воротами и то редко пробегают. Машины — реже. Кого в такой мороз да еще за городом на улицу выгонишь?

В одну из таких прогулок почудилось мне на сосне или на ели — они рядом у нас растут — что-то живое. Кто-то вроде бы шевелился, голос подавал, снег стряхивал.

«Показалось,— решил я.— Какая тут живность по такому морозу. Воробья и то не увидишь».

Вернулись мы с собакой домой, она от ледышек на лапах освободилась, легла спать.

Ночью вдруг закряхтела собака, потом чуть заскулила, а когда я включил свет, тихо залаяла.

Что случилось?

Пришлось встать. Собака вскочила — и в соседнюю комнату, уже с громким лаем.

Включил я свет и там, и вот чудо: на кресле, в пуховом платке, который оставила жена перед отъездом в командировку, а я так и не убрал его, сидят, тесно прижавшись друг к дружке, три крохотных взъерошенных пичуги. Головки желтые, перышки подняты, а сами — чуть больше спичечных коробков. Глазки — круглые, испуганные. Как-никак собака рядом крутится.

В тот момент я не понял, что это за птицы, а только увидел, что открыта у нас форточка, в которую они влетели. Отогнал собаку, взял всех троих похожих на малых птенцов в руки, отогрел и оставил у себя до потепления.

Собака привыкла к ним. Я привык. Летали они по комнатам, как по улице, но держались все время вместе и спать ложились вместе, тесно прижавшись друг к дружке. В то самое кресло с пуховым платком, который жена оставила...

Отпустил я их, когда на улице чуть потеплело.

А потом уже, через несколько лет, узнал, что есть на свете такие птицы — корольки. Малые, но любые морозы переносящие. В холод скрываются они в ветках хвои — елей или сосен, прижимаются друг к дружке, перышки встряхивают, и вот вам — коллективная печка! Один замерзнешь, а вместе, коллективно — не пропадешь!

Только в ту зиму, видно, мороз сильнее оказался!

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНИХ КАРАВАНОВ

Аркадий МАСЛЕННИКОВ

Из Лахора мы выехали на рассвете. Улицы, тенистые городские парки, купола и минареты мечетей терялись в густом холодном тумане. Откуда-то сверху, из белой мглы, доносились приглушенные протяжные голоса муэдзинов. Было довольно холодно. Одиночные прохожие старательно кутали головы и плечи в обычную теплую одежду пакистанцев—тонкие шерстяные или хлопчатобумажные одеяла. Видимость — не больше десяти — пятнадцати метров. Продвигались крайне медленно и уже после третьего или четвертого поворота окончательно потеряли направление.

Пока шофер отправился на ближайшую автозаправочную колонку, чтобы выяснить, как нам выехать из города, я вспоминаю прочитанные накануне статьи и заметки о небывалом в здешних местах капризе природы, жертвой которого мы оказались. Газеты писали, что плотное облако тумана окутывает Лахор и прилегающие к нему равнины Пенджаба вот уже почти неделю. Пелена тумана достигает почти километровой высоты. Полностью прервано авиационное сообщение, с огромными опозданиями ходят поезда и междугородные автобусы. Резко возросло число простудных заболеваний. Происхождение этого необычного природного явления объясняли различными причинами.

Но вот шофер возвращается, и наша машина начинает более уверенно ориентироваться в хитросплетении лахорских улиц. Выбираемся на окраины. Туман постепенно редеет, и мы начинаем более четко различать, что происходит вокруг. За окнами автомашины проплывают размытые очертания пригородных ферм, окруженных высокими каменными заборами. У ворот возятся какие-то люди, увязывающие в огромные пучки длинную белую редиску, крупный кудрявый салат и какие-то другие неизвестные мне овощи и травы. В придорожных чайных жмутся к маленьким глиняным печуркам продрогшие за ночь обитатели лачуг. Обхватив ладонями стаканы, они медленно потягивают густой огненный напиток, чтобы продлить удовольствие и впитать в себя все тепло, содержащееся в маленьком сосуде.

Наконец, из белесой мути на горизонте показывается краешек красного и как будто тоже промерзшего за ночь солнца. Вскоре его лучи уже жадно вылизывают остатки тумана из придорожных низин и кустарников. День, кажется, обещает быть ясным и теплым...

Наш путь лежит в Мултан, по дороге, где в древности ходили купеческие караваны, они доставляли в Европу тонкий бенгальский муслин, кашмирские шали, ограненные искусными индийскими ремесленниками драгоценные камни и восточные пряности, из-за которых велись войны, гибли и обогащались государства, совершались великие географические открытия. Открытия, разумеется, делали европейцы. А предприимчивые мултанские купцы без особого шума проникали достаточно далеко не только на восток, но и на запад. Исторические документы свидетельствуют, что уже в XVI—XVII веках они имели свои конторы и даже целые колонии в Астрахани, вели активную торговлю с Россией и Западной Европой.

Но до Мултана пока более 350 километров. Поэтому оставим древность и лучше посмотрим, чем живет эта дорога сегодня.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Его лучи дробятся сквозь прозрачную сетку акаций по сторонам шоссе и растворяются в цветущем поле горчицы. Спросите любую пенджабскую хозяйку, и она вам ответит, что без желтого горчичного цветка невозможно приготовить ароматную приправу «кари». А без «кари» даже самое лучшее блюдо покажется пресным и невкусным. Не меньше ценится и созревшая горчица: полученное из ее семян масло — серьезное подспорье в пищевом рационе местного населения.

Золотистые головки горчицы огоньками горят на сизо-зеленом фоне сахарного тростника. Мощные, обросшие ножевидными листьями стволы этого растения вымахали почти на трехметровую высоту. Пакистанцы видят в этом хорошее предзнаменование. Плохой прошлогодний урожай привел к резкому дефициту сахара и почти двукратному росту цен на этот продукт. Правительству пришлось ввести карточную систему и истратить огромные суммы на импорт сахара из-за границы. Пакистанские экономисты подсчитали, что урожай нынешнего года должен дать не менее 750 тысяч тонн сахара, что позволит не только отменить рационирование внутри страны, но и продать изрядное количество сахара на мировом рынке.

Наша машина то и дело взлетает на небольшие мостики, проложенные над оросительными каналами и арыками. Вода блестит сквозь гущу посевов. Природа наделила Пенджаб ровным рельефом и плодородными почвами, но не позаботилась о достаточном количестве естественных осадков. В округе Мултан, например, за год в среднем выпадает не более 13 сантиметров влаги. Положение спасает широко развитая система искусственного орошения. В 1972 году в Пакистане насчитывалось около 60 тысяч километров каналов, 10 тысяч государственных механизированных колодцев и около 85 тысяч мелких оросительных колодцев, построенных самими крестьянами. Это позволяет орошать 70 процентов всей обрабатываемой площади страны. Более половины орошаемых площадей приходится на Пенджаб.

Это и хорошо и плохо. Хорошо потому, что только благодаря искусственному орошению пакистанское сельское хозяйство в состоянии в основном обеспечивать потребности населения, которое превышает ныне 65 миллионов человек. Плохо, так как чрезмерный полив ведет к заболачиванию и засолению почвы. Только в одном Пенджабе, по данным официальной статистики, этими двумя бедствиями поражены почти 10 миллионов гектаров. Вот и сейчас густые посевы по сторонам дороги то и дело сменяются заболоченными участками, мелькают заброшенные крестьянские дома, окруженные полями, на которых еще сохранились межи, но не осталось никакой растительности — все покрывает белая, сверкающая на солнце соль...

Чем ближе к Мултану, тем чаще попадаются посевы хлопчатника. Сезон уборки уже заканчивался. Хлопок несут в огромных связках на головах, везут на широких, похожих на лодки арбах, доставляют в высоких кузовах мощных «Бедфордовских» грузовиков. «Белое золото» огромными пирамидами свалено на городских базарах, хлопья его свисают с придорожных деревьев, белыми снежинками рассеяны по обочинам шоссе.

Мултан — главный район производства хлопка не только в Пенджабе, но и во всем Пакистане. Имея в своем распоряжении лишь немногим более шести процентов обрабатываемой площади страны, мултанские крестьяне выращивают почти половину всего пакистанского хлопка. Экспорт хлопка-сырца, хлопчатобумажной пряжи и тканей дает Пакистану около 60 процентов всей иностранной валюты, на которую закупаются промышленное оборудование и потребительские товары, не производимые в стране. Действительно, золото.

Тем трагичнее, что именно посевы этой культуры пострадали больше всего от бушевавшего здесь прошлым летом и осенью наводнения. Несмотря на прилагаемые правительством энергичные усилия, последствия произведенных им разрушений не преодолены полностью и поныне.

Наша машина вот уже около часа бежит по ровному, гладкому шоссе, проложенному в уютной тени деревьев на берегу магистрального оросительного канала. Дорога идет под уклон. Жаркий полдень прогнал с раскаленного асфальта не только давно досаждавшие нам медлительные воловьи упряжки, но и многочисленных здесь собак. Меня тоже охватывает дремота, и я не сразу замечаю, что пейзаж по сторонам дороги как-то странно изменился. Исчезли аккуратные и ровные квадратики полей. Вместо них справа от дороги потянулись какие-то странные песчаные наплывы и покрытые серой грязью безлистые кустарники. Впрочем, да ведь это и не кустарники вовсе, а мертвые, убитые наводнением растения хлопчатника!

Пока я рассматриваю, что сделало наводнение с крестьянскими полями, машина останавливается. За временным шлагбаумом из обрубленного ствола акации на месте дороги зияют глубокие промоины, видны беспорядочные нагромождения камней, вывороченные с корнем деревья. Съезжаем в сторону и колесим по бесконечному объезду, проложенному сквозь поля пшеницы, сахарного тростника, бывшего хлопчатника.

Когда наша машина выбирается на дорогу, шоферу приходится удваивать осторожность. Вот он резко тормозит и выводит машину на обочину. Предосторожность не лишняя—навстречу с ревом мчится колонна разукрашенных, как рождественские елки, грузовиков. Один из карачинских журналистов — не знаю, то ли в шутку, то ли всерьез — рассказывал мне, что во время дальних рейсов некоторые водители придавливают акселератор большим камнем и зани-

маются только рулем, уверенные в том, что их мощным машинам не страшны никакие препятствия. По-видимому, это была все-таки шутка, но огромные скорости, с которыми мчатся эти нагруженные доверху «короли дорог»,— несомненный факт. Результат такого вождения — бесчисленные аварии. Когда сталкиваются два грузовика, несущиеся навстречу друг другу,— а это случается довольно часто,— выяснять, кто прав, кто виноват, как правило, не приходится — искореженные остовы машин, ящики и тюки с товарами, разлетевшиеся в разные стороны на десятки метров.

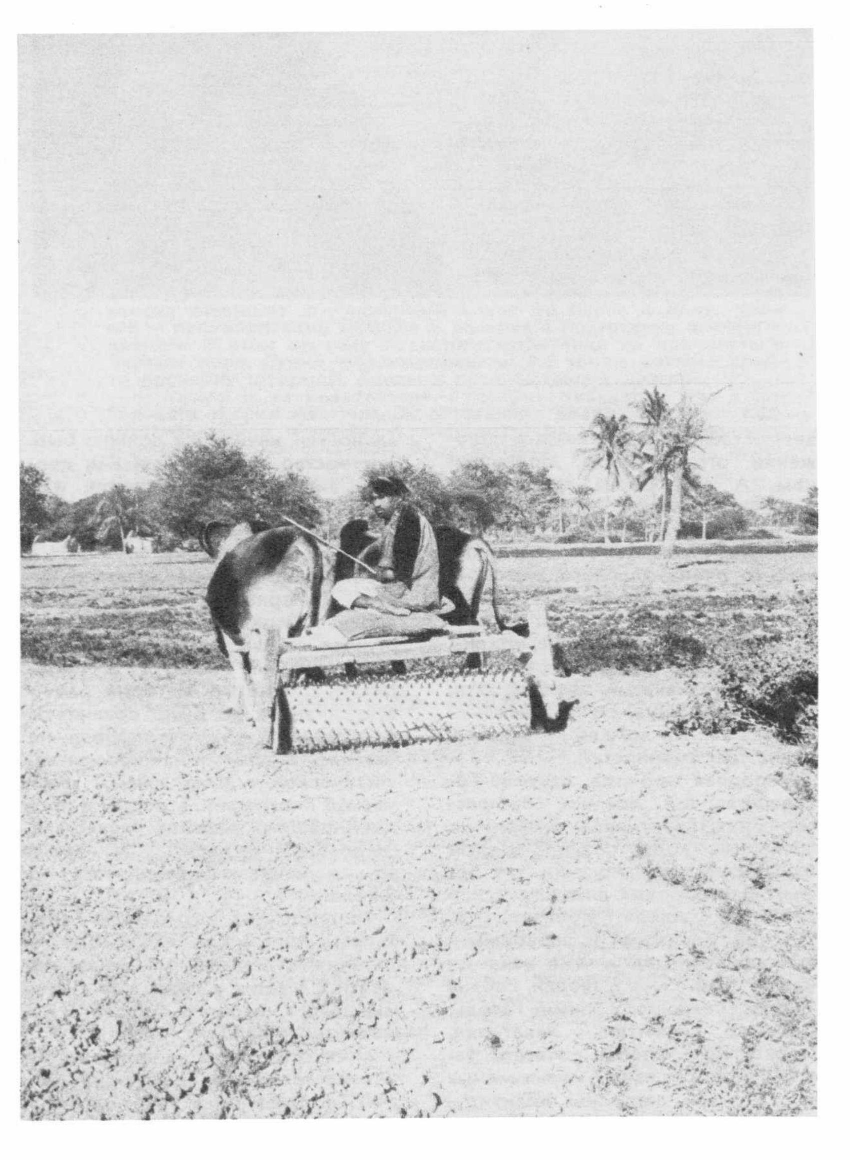
Недалеко от Мултана становимся свидетелями дорожного происшествия, которое глубоко огорчает моего шофера Фироз Хана. Грузовик на огромной скорости врезался в трактор. Окрашенный в красную краску «Месеей-Фергюссон» от столкновения развалился буквально пополам. Рядом валяется перевернувшийся вверх колесами виновник инцидента. К моему удивлению, Фироз, которого как профессионала, казалось бы, должно было заинтересовать прежде всего состояние пострадавшего автомобиля, даже не взглянул в его сторону. Все его внимание приковано к обломкам трактора. «Отпахался, бедняга»,— грустно роняет он и трогает машину. А я вспоминаю о том, что безземельный патан из деревни Раджар близ Пешавара Фироз Хан всю жизнь мечтал иметь свой собственный клочок земли. «Разве я стал бы работать шофером, если бы у меня была земля»,— признался он мне как-то в откровенном разговоре.

Отпахался... А пахал ли этот трактор вообще? Я обсуждал проблему механизации пакистанского сельского хозяйства с двумя авторитетными специалистами — помощником премьер-министра по вопросам сельского хозяйства М. К. Бакшем и директором Института экономического развития при Исламабадском университете профессором М. Л. Куреши. «Мы проводим политику выборочной механизации, так как чрезмерное насыщение нашего сельского хозяйства тракторами привело бы к обезземеливанию крестьянства и росту безработицы»,—говорил мне помощник премьера. «Да, применение машин в нашем сельском хозяйстве расширяется, но пока еще очень медленно,— дополняет его профессор Куреши.— Многие помещики до сих пор предпочитают обрабатывать свою землю с помощью арендаторов. К тому же некоторые деревенские богачи покупают тракторы для использования их не столько на сельскохозяйственных работах, сколько на коммерческих перевозках».

И все же хочется думать, что погибший на наших глазах трактор при жизни честно трудился на земледельческой ниве. Так называемая «зеленая революция», охватившая со второй половины 60-х годов развивающиеся страны Азии, не обошла стороной и Пакистан. В последние годы здесь быстро растет спрос на высокоурожайные сортовые семена, минеральные удобрения, усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины, включая тракторы. Чтобы удовлетворить этот спрос, правительство З. А. Бхутто увеличивает импорт, принимает меры к налаживанию производства современной сельскохозяйственной техники внутри страны. Среди тысяч тракторов различных марок, работающих сегодня на полях Пакистана, есть и советские «Беларуси». М. К. Бакш говорил мне, что в текущем финансовом году правительство намерено закупить в СССР еще одну партию надежных, отлично зарекомендовавших себя в пакистанских условиях машин.

Первый камень, заложенный в основание металлургического завода в Карачи, сооружаемого с помощью Советского Союза.

Нелегок труд пакистанского крестьянина.

Фото автора.

Сейчас не сезон, и я, откровенно говоря, не видел работающих в поле тракторов. Но зато их немало на дорогах и у ремонтных мастерских, вырастающих, как грибы, в маленьких пенджабских городках. Среди них мне попались на глаза и несколько «Беларусей».

А дорога преподносит все новые и новые сюрпризы. Вот трусит верхом на ослике седобородый аксакал с новеньким японским транзистором в руках. Два верблюда тянут на огромных платформах уложенные пирамидами автомобильные шины. В маленький «джип» предприимчивый торговец сумел втиснуть никак не меньше полутора десятков лохматых длинноногих козлов. Животные испуганно дергаются на ухабах и жалобно блеют, как будто чувствуют, что их везут на жертвенное заклание в связи с предстоящим мусульманским праздником Ид-уль-Азха. Ко всему этому надо привыкнуть. Как, впрочем, перестаешь удивляться при виде женщин, закутанных с ног до головы в однообразную черную одежду, и мужчин, щеголяющих в ярко-розовых рубахах и таких же шароварах.

Но вот, наконец, и Мултан. Начитавшись рекламных брошюр и туристских справочников, я ожидал увидеть мощные крепостные стены древнего форта или хотя бы купол одного из мавзолеев, построенных средневековыми правителями. Однако город заявил о себе по-другому. На окраине нас приветствовала высокая кирпичная труба и блестящие на солнце стальные батареи завода минеральных удобрений. Не нашел я и караван-сарая, идея которого подспудно жила в моем сознании, настроенном размышлениями о Мултане как средневековом центре транзитной торговли. Вместо этого шофер привез меня во вполне современный мотель, где мы и остановились.

Форт, конечно, в Мултане есть, как сохранились и почитаются искусно построенные мавзолеи, храмы и другие памятники седой старины. Однако не они определяют сегодняшнюю жизнь этого 550-тысячного города. За годы независимости здесь возникли десятки заводов, фабрик и других промышленных предприятий. Мултан сегодня играет все более важную роль в развитии примыкающего к нему крупного экономического района, который не без основания считают «сельскохозяйственным сердцем Пенджаба». И в этом, несомненно, знамение перемен, происходящих сегодня во всем Пакистане.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

Одна сестра играла на скрипке. Другая — на рояле. Мама пела, а к папе ходили ученики с черными удлиненными футлярами, томились в передней, ожидая своей очереди... В консерваторских классах было холодно, руки совсем не двигались, и вот папа приводил своих студентов домой. В комнате — буржуйка, постепенно пожиравшая мебель и книги. Старшая сестра плакала, на рояле приходилось в перчатках играть. Да что там говорить, двадцатые годы...

Жили... В одной комнате — четыре музыканта. С ума сойти, такая мешанина звуков! Ведь все занимались одновременно. А тут и младшей, Верочке, обучаться пора пришла. То, что она может выбрать другую профессию, никому и в голову не приходило. В этой музыкальной династии бабушка, Александра Юрьевна Зограф-Дулова, была любимой ученицей Н. Г. Рубинштейна.

Да, судьба решена. Только — и только — музыка.

— Ну, а на чем ты, Верочка, играть хочешь?..

Мамины вокализы, пальцы сестры в шерстяных перчатках, точно зверьки, бегают по клавиатуре. Гаммы, гаммы!.. И постоянно звучит скрипка — папа, студенты, сестра...

— Я бы хотела...

И неожиданно для самой себя:

— На арфе.

...Она эту арфу и не видела-то никогда! И не слышала. Так вдруг в голову взбрело: арфа. А что это такое? Папа попытался объяснить: «Арфа будто и в рояль вложена. Видишь, если крышку раскрыть... И вообще все инструменты от нее произошли. Ни виолончелей, ни скрипок еще не было, а арфа была...»

Решили Веру показать Ксении Александровне Эрдели — выдающейся арфистке. Посмотрит, посоветует, может, действительно попробовать?..

...В углу комнаты в темном чехле стояло что-то похожее, как показалось Вере, на очень большой утюг. Подошла, отогнула край чехла, увидела позолоту, узорчатую лепку, какая бывает на рамах музейных картин. «Неужели на этом играть?!.» Оглянулась, никто не видит. Тронула пальцем струну: звук глуховатый, а рояль пел, и скрипки пели... Прикрыла чехол. Уселась на диван, на прежнее место — ждать.

В комнату вошла Ксения Александровна Эрдели...

Арфа, этот древнейший инструмент, ценимый за свое утонченное звучание, акустическое своеобразие, оставался столетиями в положении ограниченном, подчиненном. А сам образ арфистки — легчайшее касание струн, похожее на движение вышивальщицы, кружевницы,— вызывал ощущение чего-то очень далекого, несовременного, не соответствующего той жизни, в которой мы живем. Арфа чересчур изысканна, что ли... А потом, что на ней можно играть? Переливчатый, хрупкий звук, завораживающие, струящиеся пассажи, а как же ломкий ритм, нерв, пульс современности?..

Народная артистка, лауреат Государственной премии, профессор Вера Георгиевна Дулова за последние годы создала целый цикл концертов «Музыки для арфы». В это почти антологическое собрание вошли произведения русской, советской и зарубежной арфовой музыки с XVI века до наших дней. Рамо и Люлли, Рабаин и одновременно с ними Равель, Дебюсси, Бриттен, Хачатурян, Прокофьев... Чтобы сочетать такое разнообразие музыкальных эпох, стилей, авторских индивидуальностей, каково же должно быть мастерство исполнителя! Как должен знать он возможности, а — кроме того, и невозможности! — своего инструмента. Ведь в основе здесь преодоление.

Преодолеть смиренно узаконенную камерность, подчиненность арфы. Сыграть на ней так, как раньше немыслимо, невозможно было играть. Рискнуть и победить!.. Для этого не один раз — всю жизнь надо было сражаться. А дальше, чтобы эта победа не осталась фактом только твоей артистической судьбы, личной творческой биографии, а вошла в процесс общего развития искусства, следовало закрепить ее надежно — в учениках. И более того — в школе.

Тридцать лет жизни Веры Георгиевны ушло на то, чтобы от воспитания отдельных учеников перейти к школе, к созданию системы нового, особого арфового исполнительства.

«Искусство игры на арфе» — так называется книга, написанная Верой Георгиевной и уже подготовленная к печати. По полноте, весомости это исследование — единственное в своем роде, оно содержит историческую часть, обзор наиболее известных исполнительских арфовых школ, методику. Вера Георгиевна анализирует все виды технического владения инструментом, приемы, эффекты, созданные арфистами разных времен и направлений. Среди них, кстати сказать, есть и «эффекты Дуловой». Одна из частей книги представляет собой сборник избранных виртуозных пьес, упражнений, этюдов для арфы, переложения, новые редакции, автор которых — Дулова. Именно сочетание исполнительской деятельности с педагогической сделало творческий опыт Веры Георгиевны таким многогранным. На ее выступления в концертах молодые музыканты приходят, как в академию высшего мастерства.

Легчайшее прикосновение к струнам арфы, изящество, непринужденность исполнительницы — мы все это видим. Но видим со стороны. А как на деле?..

— У нас, арфистов,— говорит Вера Георгиевна,— нет точки опоры: мы играем как бы на весу, не можем опереться, как, скажем, пианист на клавиатуру или скрипач на гриф. Правая рука только чуть-чуть прислонена к деке, ноги работают с педалями, и получается, что тяжесть арфы давит на нас всей громадой. А натяжка струн — несколько пудов... Выдерживать это очень непросто. Играть на арфе — тяжкий физический труд. Два-три часа позанимаешься, и все тело затекает. Своим ученикам я советую делать особую гимнастику — движения плечевого пояса. Перерыв минут на десять, и марш за инструмент... А чтобы звук был ясный, полный, нужно захватывать струну в ладонь: играть «к себе», как бы горстями черпать. Если рука безвольна, пуста — и звук тусклый, вялый. Надо в пальцах силу, жадность ощущать, тогда инструмент будет звучать по-настоящему.

Конечно,— продолжает Дулова,— больно, когда струна врезается в палец. Но у профессиональных арфистов пальцы защищены мозолями, и если студенты приходят ко мне не с мозолями, а с волдырями, значит, не занимались. И пусть на себя пеняют: нет к ним жалости! При регулярной работе мозоли становятся твердыми, они и предохраняют, тогда не больно играть...

Прикосновение — от него звуки. Мы, музыканты, прикосновением живем. Как слепцы...

Особое место в творческой жизни В. Г. Дуловой, кроме концерт-

ной и педагогической деятельности, занимает Большой театр. С 1932-го и поныне она не расстается с ним: для солистки, концертирующей по всему миру, это факт достаточно редкий. Но он не случаен. Он подтверждает еще раз щедрость, широту личности Веры Георгиевны.

Работа в оркестре требует иных качеств, чем сольное исполнительство, воспитывая у музыканта навык непосредственного общения с другими оркестрантами, с дирижером, она помогает ощутить себя частью целого, органичного, слитного, рождает чувство ответственности, особой ансамблевой дисциплины.

Известно: музыкант, только что пришедший в оркестр, поначалу не слышит самого себя. Он видит движение своих пальцев, но не может отличить свои собственные звуки от тех, что звучат вокруг. Потом это чувство потерянности, беспомощности проходит. Появляется опыт. А у таких артистов, как Дулова, возникает то высшее мастерство, когда, казалось бы, ты вовсе не заметен в громаде оркестра, а в то же время незаменим в нем.

Работа Веры Дуловой внесла новое отношение к исполняющимся в оркестре арфовым партиям. В «Лебедином озере» Чайковского есть соло арфы. Публика, равно как и музыканты в оркестре, слушает только ее одну. И бывает, что арфа, этот щипковый инструмент, поет, как скрипка. Значит, это играет Дулова.

Глиссандо прорезает оркестровый ряд... Сверкнувшие, потом растаявшие звуки.

— Нет, это нетрудно,— говорит Вера Георгиевна.— Ставишь на педалях аккорд, а дальше — свободно, «аблибитум»... Импровизируешь в тональности, и все! Глиссандо — это так, украшение...

— А что же тогда трудно? — спрашиваю я.

Взгляд, лукавство которого скрыто за внешней серьезностью.

— Трудно?.. Трудно играть хорошо... Хорошо — вот это всегда трудно.

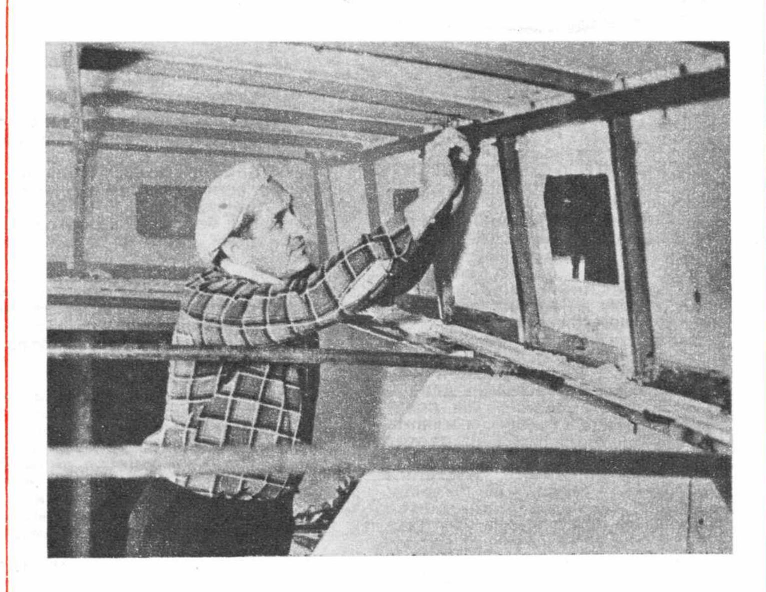
* * *

Известность выдающейся арфистки Веры Дуловой, прославленного во всем мире музыканта, основывается теперь уже не только на высочайшем исполнительском мастерстве. Сама личность артистки вызывает интерес и безграничное уважение всей музыкальной общественности.

В качестве члена жюри Дулова участвует в международных конкурсах. По приглашению зарубежных организаций она преподает игру на арфе во Франции, на курсах высшего мастерства в США, участвует в международных «Неделях арфы» в Голландии... Ученики Дуловой — солистка оркестра Большого театра Шамеева, и солистка Московской филармонии Москвитина, и обладательница Гран-при конкурса имени французского композитора Марселя Турнье Левина, и Тауэр, солистка Ленинградского симфонического оркестра под управлением Е. Мравинского,—все они тоже завоевали мировое признание.

Советская школа игры на арфе — школа Дуловой — вышла на международную арену, закрепив в учениках славу выдающейся арфовой исполнительницы.

Фото Г. Соловьева.

А. М. Чебанюк готовит яхту к путешествию.

Фото Р. Чарчогляна.

ВОКРУГ СВЕТА В ОДИНОЧКУ

У карты Александр Моисеевич обращает мое внимание на мыс Горн.

— Это Эверест путешествующих яхтсменов. Здесь, у берегов Южной Америки, многих мореплавателей подстерегала беда. Предполагаю, что и мне придется сбивать лед с обшивки судна в морозную штормовую погоду... Горн — половина пути...

Член Географического общества СССР А. М. Чебанюк намерен в одиночку проплыть на яхте вокруг света. На состоявшемся недавно заседании океанографической и полярной секции Географического общества СССР было официально объявлено о подготовке к этому плаванию. Поход с неограниченной мореходностью, так это звучит на языке специалистов, начнется в Подмосковье.

Коммунисту А. М. Чебанюку, которому предстоит обогнуть «шарик»,— 51 год. Он опытный моряк и спортсмен. Всю войну был на фронте. Военная его судьба связана с авиацией. В мирное время Александр Моисеевич служил на флоте. Демобилизовался он четыре года назад и ныне работает председателем Воскресенского городского совета ОСВОД. Все свободное время А. Чебанюк отдает строительству яхты типа «Бермудский кеч», на которой в конце июня 1975 года намерен отправиться в столь трудное путешествие.

Яхта эта, уже почти готовая, стоит на реке Москве, у причала Воскресенского химкомбината. Сейчас на ней ведутся отделочные работы. Кстати, она не случайно «приписана» к причалу химкомбината. Коллектив этого предприятия взял шефство над снаряжающимся в дальний путь путешественником и его судном. Летом нынешнего года новенькая яхта из Воскресенска совершит агитационный поход по Волге и Дону. Цель его — популяризация ОСВОДа и рассказ о подготовке к «кругосветке». В этом же году предстоит испытания на прочность в Черном море. Судно водоизмещением 9,5 тонны должно пройти проверку штормом. Сборы к путешествию в разгаре.

— Выйду я из Севастополя,— говорит Чебанюк.— Год с небольшим — срок жесткий. За оставшееся время предстоит подготовиться и в мелочах. Я, например, не намерен обрастать бородой.А каким способом буду бриться — тоже надо обдумать.

— Как долго продлится ваше плавание?

— Тридцать тысяч миль предстоит пройти за двенадцать месяцев.

Л. СЕМЕНОВ

ОСТАНОВИСЬ ЗДЕСЬ, ПУТЕШЕСТВЕННИК!

В Беловежской пуще открыт туристский сезон. На пути сюда любителей ездить по свету ожидает приятный сюрприз: в старинной башне «Белая вежа», что многие десятилетия охраняла от посягательств чужеземцев некогда пограничный город Каменец, открыт филиал Брестского областного краеведческого музея. Здесь собраны материалы, рассказывающие о том, как в конце XIII века по велению Владимира, князя Волынского, в здешние места были посланы искусные люди, чтобы воздвигнуть укрепления на северных границах княжества. Тогда-то и поднялась у пущи «Белая вежа», или Каменецкий столб, как называли его летописцы. Еще в документах говорится, что тевтонские рыцари троекратно осаждали Каменец, однако сторожевую башню взять не смогли.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Азербайджанские писатели Имран Касумов и Гасан Сеидбейли, авторы полюбившегося читателям романа «На дальних берегах» — о подвиге советского разведчика Мехти Гусейна, отдавшего жизнь за свободу своей Родины и свободу Италии,— написали и перевели на русский язык новый роман, «Годы идут».

О чем этот роман? В немногих словах — о «черном золоте», о первой пятилетке, о классовой борьбе. И, конечно, о людях. О таких, как мастер буровой установки Мардан-уста и его товарищ по революционным боям в Баку, плотник-вышечник Василий Лукич Бобров, как сын Боброва — талантливый инженер Николай, о таких, как до поры до времени притаившийся враг Советской власти директор нефтепромысла Ниязов...

Трудное это было время — конец двадцатых, начало тридцатых годов. И все же преображались промыслы, вырастали новые дома для рабочих, благоустраивался город. Бедность, полуголодное существование? Об этом не думали. Как не думали и об отдыхе — работали от зари до зари, хотя никто к этому людей не принуждал. Вот так же однажды, не дождавшись Василия Лукича домой к обеду, жена его Наталья собрала узелок нехитрой еды и отнесла мужу прямо на промысел, где в самом разгаре были работы по засыпке участка моря, чтобы и оттуда можно было качать нефть.

«Еле нашла Василия. Сел он поесть на куче щебня — мимо идет, торопится человек в развевающемся брезентовом плаще.

— Садись, Мироныч, чем богаты...— остановил его Василий.

— Благодарствую,— певуче сказал тот.— Будем богаты, за это не беспокойся,— добавил он, и, присев на корточки, взял помидор.

— Ну как, засыплем, а? — спросил Мироныч, глядя вдаль.

— А то как же! — уверенно сказал старик Бобров.

Мироныч повернулся к нему, глаза его заблестели.

— А знаешь, как назовем наш промысел? Промысел, отвоеванный у Каспия и дающий первую морскую нефть? Именем Ильича!»

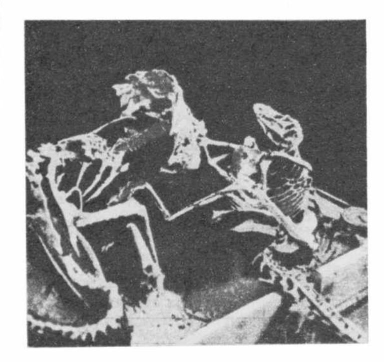
Не дожил до светлого часа старый рабочий, погиб при тушении пожара, устроенного Ниязовым и его подручными. И все же новое побеждало. Побеждало, тяжело прокладывая себе дорогу, ломая недоверие, психологию людей, как ломал недоверие новый турбобур Николая Боброва, с помощью которого бригада Мардана-уста установила мировой рекорд проходки нефтескважин. Ломалась психология и самого Мардана-уста, хотя он так и не понял счастья своей дочери Мариам и не сумел простить ей самовольный уход к полуграмотному шоферу Селиму.

На последней странице книги авторы пообещали продолжить свой рассказ. Но и то, что они рассказали, интересно само по себе, интересно нынешнему молодому поколению, которому важно знать, как, в каких условиях боролись и строили их отцы и почему они победили.

В. МЕЖЕНКОВ

Имран Касумов, Гасан Сеидбейли. Годы идут. М., «Советский писатель», 1973 г., 288 стр.

ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМИЙ

УЛАН-БАТОР

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА

Смерть настигла их в момент наивысшего напряжения схватки. Нападающий передними лапами вцепился в голову своей жертвы, а задними пытается разодрать ей живот. Жертве удалось схватить зубами когтистую лапу хищника, и, пытаясь стряхнуть его, животное осело на задние ноги. Так и пролежали они в земле 75 миллионов лет.

Этот единственный в своем роде палеонтологический документ из жизни динозавров найден в пустыне Гоби, в обрыве Тугрикин-Ширэ.

Что же помешало противникам закончить свой поединок?

«Скорей всего дело было так,— говорит Ринчин Барсболдт, научный сотрудник Академии наук МНР и руководитель Советско-монгольской палеонтологической экспедиции.— Схватка происходила на берегу древнего водоема, и противники — травоядный динозавр протоцератопс и хищный велоцираптор — в пылу битвы свалились в воду, так и не разжав смертельных объятий. Протоцератопсы были земноводными животными, их окаменевшие останки находят в большом количестве в пустыне Гоби вблизи водоемов. Они, по всей вероятности, вели стадный образ жизни и в случае опасности уходили в воду. Останки хищных велоцирапторов находят обычно в тех же местах».

Пустыня Гоби вообще представляет собой своеобразную летопись истории развития живой природы Земли, настоящий заповедник окаменелостей. Но когда-то Гоби была цветущей землей. Палеонтологические исследования открыли совсем другой мир: здесь обнаружены следы исчезнувших полноводных рек и озер, окаменевшие стволы деревьев, отпечатки растений и почти повсеместно останки удивительных животных — динозавров, господствовавших на Земле 70 миллионов лет назад.

На снимке: окаменевшие скелеты дерущихся динозавров.

О. ПЕРФИЛОВА

ХОРОГ

НА ВЫСОТЕ В ДВЕ ТЫСЯЧИ МЕТРОВ

У входа в Памирский ботанический сад Таджикской академии наук, как часовые, застыли высочайшие тополя, терпкий бальзамический запах горных трав и древесной листвы завис над котловиной сада.

Всем знакомые одноствольные липа, клен, ясень выглядят здесь, как букет под одной громадной кроной. Каждое дерево выбрасывает вверх более полутора десятков стволов, и кажется, что из одного корня растет маленькая роща.

Взаимоотношения растений со средой — одна из многих проблем, которой занимается Биологический институт Таджикской академии наук. Расположился этот институт чуть ниже Ботанического сада в Шошин-Даше.

Какие факторы горного климата оказывают влияние на физиологию и биохимию растений? Что заставляет их проявлять необычные свойства в условиях высоких гор? Перепад температур, как считали раньше? Уменьшенное количество углекислоты или, быть может, свет яростного на такой высоте солнца? В этих сложнейших вопросах пытаются разобраться таджикские ученые.

Их работа тесным образом связана с практикой. Стоит только вспомнить памирские кишлаки, вокруг которых еще недавно теснились лишь сухие, жаркие горы с «мертвыми», безжизненными склонами, превращенными теперь в пастбища, чтобы оценить ту огромную помощь, которую оказывает Ботанический сад памирским колхозам, рекомендуя растения, создавшие плодородные пастбища. По рекомендациям ученых колхозы области освоили уже более 900 гектаров безжизненной прежде земли.

А недавно памирские колхозы стали даже заниматься совсем новыми отраслями сельского хозяйства — бахчеводством и овощеводством. В этом тоже помогли ученые. Они подобрали сельскохозяйственные культуры, которые плодоносят в суровых природных условиях высокогорья.

Директором Ботанического сада, учеником профессора Гурского, Рахимбеком Шакармамадовым за последние годы было предложено для колхозных садов Рушанского, Ишкашимского, Ванчского и других районов 19 сортов яблонь и два сорта груш. А попробуйте памирский картофель — ручаюсь, нигде и никогда ничего подобного вы не ели. И пусть арбузы и дыни в Хороге появляются на две-три недели позднее, чем в Душанбе, и ветки абрикосов тяжелеют от созревших плодов только к середине августа, так ведь это Памир, «Крыша мира».

Г. МЕСНЯНКИНА

ТАРТУ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО БОЛОТУ

Тарту. Улица Ванеймуйзе. Институт зоологии и ботаники АН ЭССР и Тартуский институт лесного хозяйства и охраны природы. Здесь эстонские ученые работают над комплексным использованием болот.

Знаете ли вы, что осушать болота не всегда рационально? В природе существует веками установленное равновесие. Взять, к примеру, водный, гидробиологический режим прибалтийских болот. Попробовали их осушить, а на смену пресным подземным водам пришли соленые, морские. От этого стали страдать растения и животные.

— Болото болоту рознь, а водой нужно дорожить,— говорит профессор Я. Эйларт.— Некоторые болота являются хранилищами пресной воды, более того, в них вода в результате биологических процессов очищается. Поэтому теперь мы семь раз думаем, прежде чем один раз «резать» — давать рекомендацию осушить болото.

Профессор приводит и экономические обоснования: на осушенном болоте в Эстонии урожаи получают небогатые. В то время как с одного гектара на них собирают до тонны ценных ягод. Тут водится дичь. Болота можно использовать и как своеобразные заповедники для воспроизводства некоторых исчезающих пород птиц и зверей.

А. САМОЙЛОВ

ИССЫК-КУЛЬ

КИРГИЗСКАЯ ФОРЕЛЬ

На озере Иссык-Куль успешно работает Биологическая станция Академии наук Киргизии. Ее задачи — изучение кормовой базы озера, искусственное разведение и акклиматизация ценных пород рыб, систематическое наблюдение за гидрохимическим режимом.

Немало дает станция и практике. Например, ученые разработали методы воспроизводства севанской форели. Ежегодно два рыбоводных предприятия — Каракольский и Тонский заводы — по рекомендации станции пополняют озеро форелью. Уже несколько лет рыбаки получают богатый улов этой ценной рыбы.

На снимке: старший лаборант Е. И. Костин берет пробы воды. Фото Н. Жиганова.

ЛЕНИНГРАД

КУДА ПЛЫВУТ ПОЛЮСА?

Главная астрономическая обсерватория Академии наук СССР. Пулковские астрономы держат постоянную связь с пятью международными станциями. Все они, находясь на одной и той же 39-й параллели, занимаются уточнением своего местоположения, то есть географической широты.

Но разве широта и долгота, к примеру, Пулковской обсерватории не остаются неизменными? Для чего нужно каждый раз их уточнять?

Географические координаты определяются по отношению к полюсам, то есть к тем точкам, где ось пересекает земную поверхность. А вот сами полюса, вернее их местоположение, давно уже вызывают недоверие ученых.

Исследования советского астронома А. Орлова показали, что так называемое среднее положение полюса движется на юг, в сторону Лабрадора, со скоростью 11—13 сантиметров в год. Это открытие явилось настоящей сенсацией: ведь если такое движение было и в прошлом и продолжится впредь, то это скажется на климате Земли.

Послышались голоса, что А. Орлов ошибся и полюс не движется, а колеблется вокруг какой-то средней точки. Академик А. А. Михайлов заново провел расчеты и доказал: полюс действительно движется на юг. Однако на климат такое его перемещение вряд ли оказало существенное влияние: за последние 100 тысяч лет Европа пережила несколько оледенений, а полюс сместился всего лишь на 11 километров.

Если полюса движутся, широту и долготу одних и тех же мест приходится время от времени уточнять. Для этого и существует служба астрономических постоянных. Один из главных центров этой всемирной службы находится у нас, в главной астрономической обсерватории АН СССР, в Пулкове.

А. ХАРЬКОВСКИЙ

МИНСК

«РАДУГА»

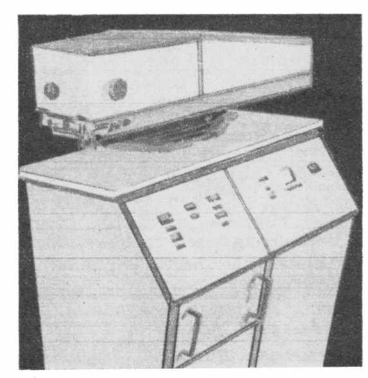
Недавно семья лазеров пополнилась еще одним родственником. Новый лазер создан в Институте физики Академии наук БССР. Впервые в квантовых генераторах света использованы сложные органические вещества типа красителей (естественные красящие вещества), которые обладают свойством усиливать излучение любой длины волны.

Известные нам газовые и рубиновые лазеры имеют довольно узкий диапазон частот, и поэтому в некоторых научных исследованиях, например, в управлении химическими реакциями, неприменимы. Лазеры же на красителях, имеющие широкий диапазон частот, можно по желанию экспериментатора плавно перестраивать по всей ширине спектра радуги. Поэтому белорусские ученые и назвали свой прибор «Радуга».

Особенно необходим новый тип лазера для тонких исследований в медицине и биологии.

К. АЛЕКСАНДРОВА

На снимке: оптический квантовый генератор «Радуга».

СПЛЮ И ВИЖУ ПРИЕХАТЬ В БОЛДИНО

Н. ТОЛЧЕНОВА

Словно жемчужное зернышко на ладони, открытой людям, пушкинское Болдино, старинная русская деревня, лежит среди просторных, то пологих, то холмистых полей и лугов Горьковской области.

Исстари, чуть ли не с времен Ивана Грозного, на землях бывшей Нижегородской губернии находились и другие владения семьи Пушкиных; еще и сегодня имеются кое-какие, в большинстве своем, правда, полустертые уже веками следы пребывания большой и древней их фамилии в здешних краях. В наибольшей же, хотя тоже весьма относительной, разумеется, сохранности, дошло до наших дней родовое имение поэта в селе Большое Болдино, где и существует с недавних пор пушкинский заповедник. Ныне это место паломничества к Пушкину.

Добраться до Болдина, впрочем, не так-то уж просто. Главная причина тому — исконное и, увы, довольно-таки устойчивое еще и ныне бездорожье, особенно остро ощутимое как раз осенью и весной, когда зарядят, будто назло, упорные обложные дожди... Хотя вот теперь — как не сказать спасибо горьковчанам! — даже самолет (пусть небольшой, из тех, что зовутся «кукурузниками») два раза в день прилетает на аэродром вблизи Болдина. Можно также отправиться из Горького на Болдино рейсовым автобусом либо же поездом через станцию Ужовка. Но, по правде сказать, неизвестно, какой транспорт покажется лучше; испробовавши на себе и тот и другой, пожалуй что скажешь: «оба хуже»...

Однако с каждым годом все больше посетителей приезжает в Болдинский музей. И ничто не сравнится с волнением, которое почувствуешь, едва только предстанут перед тобою необычный этот дом с высокими удлиненными окнами по фронтону; сад и парк, где над прудом склонилась под тяжестью прожитых более двухсот якобы лет знаменитая пушкинская ива... А вот и белый, изящно переброшенный через пруд «горбатый мостик», с точностью повторенный в неподвижном зеркале пруда со всеми своими ажурными перильцами...

Все, все тебе здесь кажется издавна знакомым, все так много говорит душе. Но прежде ты знал это по книгам, по рисункам, а теперь вдруг ощутил себя живым гостем живого Пушкина. И это удивительное ощущение, пронизывая все твое существо, делает тебя счастливым.

Конечно, большая жизнь Болдина, которая ныне должна соответствовать своему большому значению, во многом только налаживается; музей пока еще невозможно сравнивать со старейшим пушкинским заповедником, что под Псковом, в селе Михайловском. Бесспорно одно — Болдино набирает силы... И прежде всего благодаря деловой заботе, неослабному вниманию руководителей района и области; они — говорю это уверенно — влюблены в священный уголок земли, столь горячо любимый и поэтом при жизни, место его уединенных размышлений и вдохновенных трудов.

«Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться», — признавался Пушкин в одном из писем к Наталье Николаевне, когда отправился через Нижний Новгород в далекое и сложное по тем временам путешествие на места пугачевского «бунта», чтобы вплотную приняться затем в Болдине за «Историю Пугачева».

Тут она и была создана... И, думается, можно заметить прочнейшую внутреннюю связь этой истории народного горя и гнева с реалистическими, здесь же написанными «Повестями Белкина», где над судьбами, над всей жизнью героев довлеет тот же произвол, то же бесправие; и, наконец, с самым, быть может, поразительным явлением пушкинского гения — сказками, воспевающими ум, силу, талант народа и заразительно хохочущими над оравой его противников — от «батюшки царя», до попа-обиралы.

«Сказка о Попе и работнике его Балде» задумана поэтом в Михайловском, где, слушая няню Арину Родионовну, он записал: «Поп поехал искать работника. Навстречу ему Балда. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: «Каков будет щелк». Балда дюж и работящ, но срок уже близок...»

Приехав в Болдино, Пушкин из окон своего дома — в самом центре села — видит церковь, домики причта, именуемые крестьянами «попов порядок»; на дворе льют нескончаемые дожди; кругом уныло, пустынно и безлюдно.

...Живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним
две бабы вслед.
Без шапки он; несет
под мышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого
попенка,
Чтоб тот отца позвал
да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда!
давно бы схоронил...

Но не этот задавленный жизнью мужичок противопоставлен в пушкинской сказке ленивому и алчному поповскому семейству, а умница, хитрый и смекалистый богатырь Балда, наделенный всеми присущими народу победительными и лишь скрытыми до поры качествами.

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

И ведь во всех пушкинских сказках звучит подспудно такой намек!.. Намек на будущее, на неминуемые гибельные «щелки», ожидающие притеснителей, на раскрепощение народных сил.

И такого именно Балду — истинно пушкинского героя — задумал показать к юбилею Горьковский театр оперы и балета в своей новой работе «Ай да Балда!».

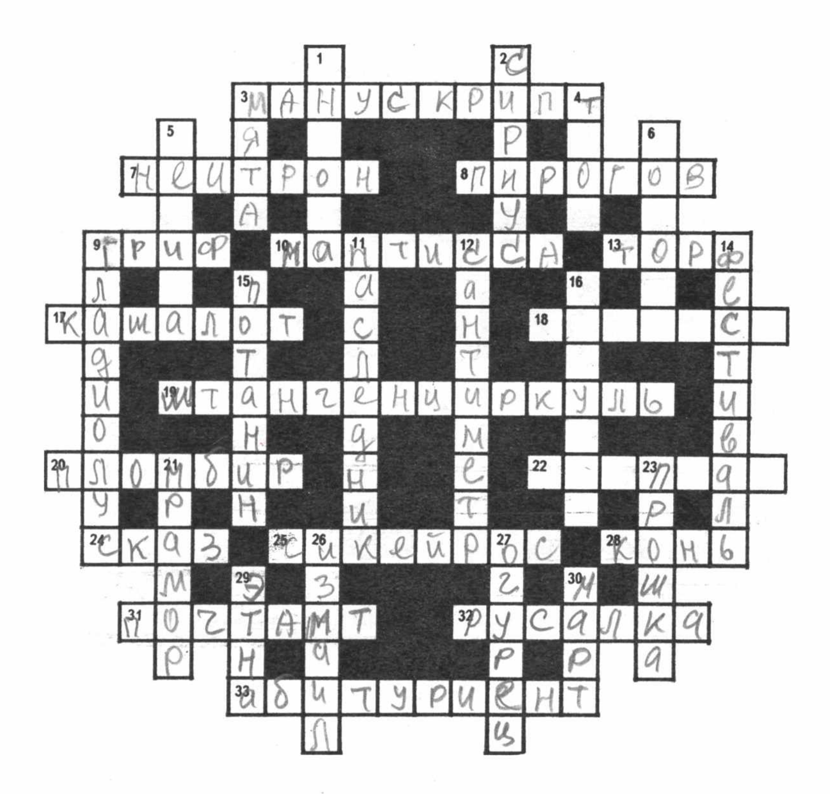
Оперу, сочиненную молодым ленинградским композитором Борисом Кравченко, горьковчане осуществили смело, ярко, с большим увлечением. Постановщик спектакля, главный режиссер театра Георгий Миллер и художник Василий Баженов, как и весь исполнительский коллектив, — сделали премьеру поистине праздником для зрителей всех возрастов. С восторгом рассказывают и сами актеры, что для них представление «Балды» стало большой творческой радостью.

Прелестную высокохудожественную постановку приурочивает к пушкинским дням театр кукол в Горьком. Образы «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» воплощаются режиссером Александром Мишиным по тончайшему замыслу талантливой Ирины Костриной, целиком погруженной в мир героев Пушкина... А ведь специфика этого театра требует не только одаренности художника: он должен иметь еще и неутомимые, ловкие, на все способные руки, чтобы герои, представ на сцене в кукольном обличье, не ушли далеко от оригинала, а сохранили обаяние и юмор пушкинского замысла — оказались «похожими» на персонажей Сказки, какими рождает их наше воображение...

То, о чем я рассказала, лишь малая часть живых дел горьковчан, встречающих юбилей своего великого земляка.

Художник В. Калинин. Мостик в Болдине.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Древняя рукопись. 7. Элементарная частица. 8. Русский хирург. 9. Хищная птица. 10. Дробная часть десятичного логарифма. 13. Твердое топливо. 17. Водное млекопитающее. 18. Один из регистров певческого голоса. 19. Измерительный инструмент. 20. Мороженое. 22. Рыба семейства карповых. 24. Жанр народного поэтического творчества. 25. Мексиканский художник. 28. Шахматная фигура. 31. Предприятие связи. 32. Опера А. С. Даргомыжского. 33. Выпускник средней школы, поступающий в высшее учебное заведение.

По вертикали: 1. Порт в Италии. 2. Самая яркая звезда на небе. 3. Травянистое душистое растение. 4. Роман М. Горького. 5. Музыкальный интервал. 6. Пушной зверь. 9. Цветок. 11. Пьеса И. С. Тургенева. 12. Единица длины. 14. Театральное представление. 15. Русский путешественник, исследователь Центральной Азии. 16. Польский народный танец. 21. Материал для скульптурных и архитектурных работ. 23. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки». 26. Город в Одесской области. 27. Овощ. 29. Действующий вулкан на острове Сицилия. 30. Месяц года.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 4. Нароков. 5. Семга. 6. «Бирюк». 8. Канарейка. 12. Баобаб. 13. Колер. 15. Пиастр. 16. Платформа. 17. Горностай. 18. «Даиси». 19. Гекзаметр. 20. Синтаксис. 22. Ингури. 24. Тенор. 25. Ушаков. 27. Андромеда. 30. Вальс. 31. Отсек. 32. Артикул.

По вертикали: 1. Махаон. 2. Нонпарель. 3. Бомбей. 5. Скриб. 7. Кирза. 8. Кибернетика. 9. Аспирантура. 10. Самарканд. 11. Стетоскоп. 13. Квадрат. 14. Регистр. 21. Аннотация. 23. Устав. 26. Айбек. 28. Десерт. 29. Елогуй.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В. А. Тропинин. Портрет А. С. Пушкина (фрагмент).

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сцены из детской комической оперы Б. Кравченко «Ай да Балда!» в постановке Горьковского театра оперы и балета имени А. С. Пушкина.

Горьковский театр кукол подготовил «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях». Художник-постановщик И. Д. Кострина перед спектаклем (вверху справа).

Фото М. САВИНА.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/V — 74 г. А 00579. Подп. к печ. 28/V — 74 г. Формат 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1209. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 2227.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

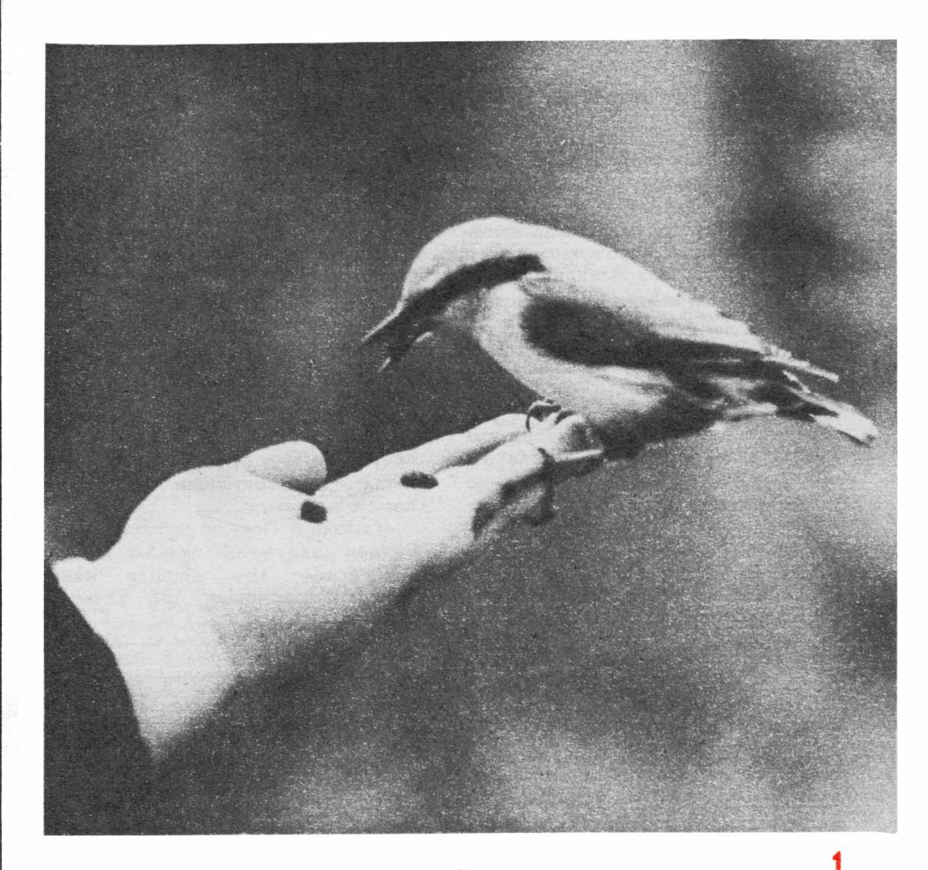
ДОВЕРИЕ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

Те, кому посчастливилось жить в палатке на берегу таежной реки или светлого лесного озерка, наверное, никогда не забудут тихих рассветов, первых солнечных лучей, пробивающихся сквозь неподвижную листву и пронизывающих голубоватый утренний туман. Под разлапистыми шатрами елей еще сумрачно, но откуда-то доносится уже звонкое тиньканье синицы, словно капли срываются с отяжеленных росою веток. Вот едва слышно хрустнула сухая валежина, и над серебряным прибрежным ивняком возникает ушастая голова. Лось! В лиловых глазах лесного великана настороженное любопытство: с чем ты пришел сюда, человек?

Я не знаю случая беспричинного нападения зверя на человека. Зато сколько раз измученные ранами, бескормицей или другими бедами звери приходили к человеку, полностью доверяясь нашему разуму и доброте. И тот, кто по-настоящему любит «братьев наших меньших», никогда не обманет этого доверия, сознавая, что все мы в конечном счете дети одной великой матери-природы.

С. БАРЧЕНКО

1

1. **А сколько там еще осталось!**
2. **Вечерком на реке.**
3. **Я сегодня не в духе.**
4. **Впередсмотрящий.**
5. **Приглашение в гости.**

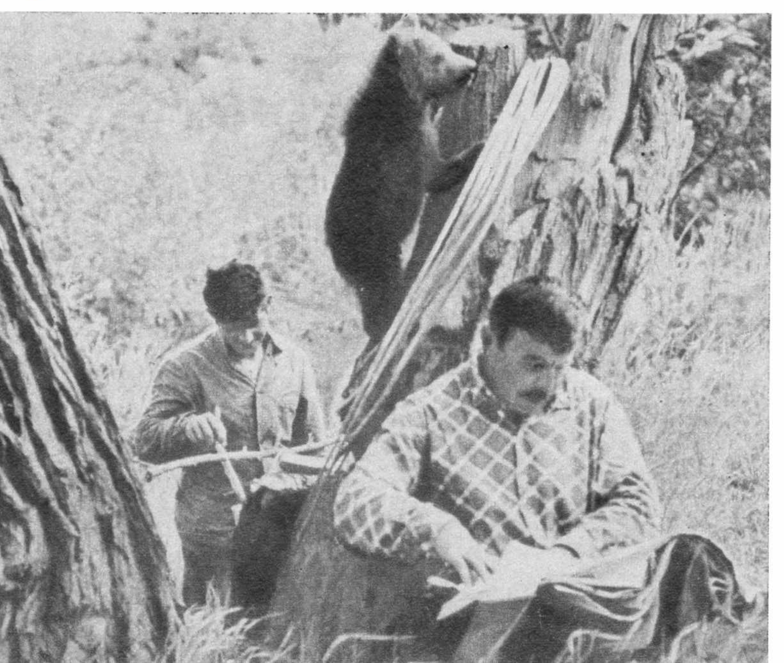
В следующем номере «Огонек» начинает печатать вторую книгу романа Ал. Азарова и В. Кудрявцева «Дом без ключа».

2

3

4

5

СТВО
МОСКВА
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663